

Виктор Точинов

Резервная столица
Книга 1. Малой кровью

Annotation

Осенью 1941 года Вермахт вышел на дальние подступы к Москве. В столице началась эвакуация. Наркоматы, посольства и многие другие учреждения переезжали в Куйбышев, туда же были эвакуированы многие важнейшие предприятия оборонной промышленности. Так областной центр неожиданно стал резервной столицей СССР.

Там, в глубоком тылу, идет невидимая миру война, Абвер готовит спецоперацию, призванную обезглавить советское государство.

В книге присутствует нецензурная брань!

Виктор Точинов

Резервная столица. Книга 1. Малой кровью

**Пролог. Последний день високосного года
(31 декабря 1940 года)**

Эпизод 1. Утро. Волк-одиночка

Вечером и в начале ночи прошел снег, причем такой, что лучше и не придумаешь, – до полуночи выпало немного, пальца на полтора, а потом снегопад прекратился. Все старые отметины, испещрявшие белое покрывало, исчезли, остались лишь следы этой ночи, и можно было по ним прочесть, словно в книге, что происходило недавно в степи, и на курганах, и в уреме безымянного ручья, сбегавшего к Волге: зимняя заснеженная степь только днем кажется безжизненной, сколько в нее ни всматривайся, не увидишь никакого движения, – а ночью здесь жизнь кипит.

Разумеется, надо уметь читать эту снежную книгу. Выросшему в городе человеку не понять письма, раскинувшиеся на бескрайней белой странице. Но Бикхан вырос в степи и мог, не затруднившись, рассказать обо всем, что происходило здесь под покровом темноты.

Вот тут, например, лиса (не степной корсак, судя по размеру отпечатков лап, а самая настоящая огневка) охотилась на мыш-полевку. Бикхан чуть ли не зримо видел, как лисица застывала, чутко улавливая доносящиеся из-под снежного покрова еле слышные звуки, – а потом стремглав бросалась раскапывать снег передними лапами, и лишь четвертая попытка стала удачной: в том месте крохотное, едва различимое пятнышко крови свидетельствовало о незавидной судьбе полевки.

Лисьи следы порадовали Бикхана. Огневка не корсак, у нее куда более ценный мех, и платят за шкурку... он попытался вспомнить цифру из прејскуранта, вывешенного в приемном пункте потребкооперации, затем резко оборвал мысли: так думать о шкуре не пойманного зверя – примета самая дурная, живо спугнешь удачу. Вот когда будет рыжая лисья шубка сушиться, натянута на распялку, тогда и вспоминай расценки.

И он вернулся к разглядыванию следов: вот эти, сгруппированные по четыре, оставил уже под утро заяц, – скакал неторопливо, возвращаясь с жировки, наевшись в уреме коры и молодых побегов; а сейчас тот заяц залег на дневку где-то невдалеке, под прикрытием кустика или снежного увала, – и можно без особого труда разыскать лежку по следу, да только без ружья нет никакого резона зря тревожить косога.

Об охотничьем ружье Бикхан мечтал уже два с лишним года, с тех пор, как ему исполнилось четырнадцать. Не просто и не только мечтал, – делал всё, чтобы мечта превратилась в новенькое оружие. А заодно стал завсегдатаем осовиахимовского стрельбища в райцентре, научившись изрядно стрелять и пулями, и дробью.

Дед охоту не жаловал, да и не смог бы ей толком заниматься из-за хромоты. И ружья не имел. Говорил, что в империалистическую да в гражданскую на всю жизнь настрелялся, с лихвой, с избытком. Даже когда случались проблемы с волками (а случались они нередко), дед либо использовал отравленные приманки, либо приглашал охотников из райцентра, заранее выложив приваду в удобных для стрельбы местах. Бикхан в конце минувшего лета завел с ним разговор о том, что считанные месяцы спустя ему исполнится шестнадцать, а это дата, подразумевающая подарок солидный и в тоже время полезный. Охотничье ружье, например.

Дед на высказанное внуком желание отреагировал долгим молчанием. Затем куда-то отлучился, так ни слова и не сказав, вскоре вернулся, выложил перед Бикханом парусиновый мешок, звякнувший металлом.

Парень даже успел подумать: вдруг внутри разобранное отцовское ружьё? Наверное, поржавело, хранившись столько лет без ухода, придется повозиться, восстанавливая... Он ошибся, в мешке лежали всего лишь капканы, самые разные, большие, средние, маленькие и совсем уж маленькие. А вот насчет того, что мешок остался после отца, Бикхан угадал. Насчет ржавчины угадал тоже: пришлось-таки изрядно повозиться, приводя всё это железо в рабочий вид.

– Хочешь ружьё, Бориска, ну так и заработай на него. – Дед по матери был русским и всегда звал внука исключительно Борисом, тот привык и отзывался. – Поймешь заодно и разберешься, блажь у тебя однодневная или же впрямь склонность к этому делу питаешь.

Если дед подспудно надеялся, что скучная возня с обдиранием шкурок и их обработкой отвратит внука от нового увлечения, то он просчитался. Вслух же старик Бикхана-Бориса не отговаривал, – напротив, скупно хвалил за первые успехи, с аппетитом кушал мясо добытых зайцев, вытапливал жир из сурков.

Впрочем, Бикхан в первую свою промысловую осень особыми достижениями похвалиться не мог: несколько зайцев и сусликов, да пара сурков, – больше постигал охотничью науку, чем добывал. Изучал капканый промысел отчасти самоучкой, по «Настольной книге охотника» (этот роскошно изданный двухтомник презентовал дед на шестнадцатилетие), – было там собрано об охоте всё, что только можно, вдумчиво читать, так и за год не управишься, но Бикхан для начала проштудировал те разделы, что касались капканов и ловушек. А за практическими советами ездил за пятнадцать километров в МТС, к старому кузнецу Ферапонтову, тот когда-то много ловил капканами, а теперь почти забросил по старости и слабости здоровья, – но знал о здешнем зверье и о его повадках всё, что стоило знать.

В итоге и в теории, и в практике начинающий охотник за осень подковался изрядно. Однако пушниной заработать на ружьё пока не удалось.

К тому же шкурки поначалу, прежде чем парень наострился их правильно мездрить и сушить, принимали как третью категорию, самую дешевую, а то и вообще как некондицию, за сущие копейки. Такими темпами на хорошее ружьё пришлось бы копить годами, а покупать в комиссионке плохонькую «фроловку» или «берданку» Бикхан не хотел. Но за несколько месяцев он неплохо освоил науку, шкурки теперь получались на загляденье, и юный охотник сильно надеялся на зимний сезон.

...Этим утром он выехал с кочевья проверять силки и капканы ранним утром, едва лишь рассвело. (Вообще-то официально именовалось то место, где жил сейчас Бикхан, длинно и заковыристо: лагерь второй выездной бригады скотоводческого совхоза им. тов. Маджафарова, – но «кочевьем» что в мыслях, что вслух называть проще.) Затягивать проверку нельзя, в степи всегда найдутся зверьки и птицы, готовые поживиться чужой добычей, испортить шкурку.

Ехал верхом на годовалом жеребчике мышастой масти, на безымянном. Имени конек не получил оттого, что еще в начале лета совхозный зоотехник постановил: этот пойдет на мясо, ни к седлу, ни в запряжку не годен, не говоря уж о том, чтобы оставлять на племя. Бикхан тогда удивился, мышастый жеребенок ни слабым, ни замороженным не выглядел, такой же бойкий, как и остальные, разве что шерсть выглядит немного более густой, так разве это беда? Зоотехник показал на темную полосу, как раз начавшую проявляться вдоль спины конька, объяснил: примета верная, вырастет мелким, таких отбраковывать полагается. Появляются иногда на свет капризом природы жеребята – точные копии диких степных

лошадок, от которых в незапамятные времена все конские породы произошли. Вырастают те жеребята живучими и выносливыми, и болеют реже, но мелкими, к работе мало пригодными.

Так и вышло, к осени стало заметно, что мышастый отстает в росте от сверстников, однако на ноябрьские, как планировалось, на махан молодой конек не пошел, – спасло его то, что совхоз досрочно рассчитался с государством по мясу, даже с небольшим перевыполнением. А чересчур перевыполнять планы – дело чреватое (это растолковал Бикхану уже дед). Почет, конечно, будет, и уважение, и директору орден могут повесить, а бригадирам грамоты вручат в клубе под аплодисменты, всё так. Да только на будущий год сверстают новый план по мясу, исходя из достигнутого. Если же выдастся неудачный год, не уродится трава в степи, плохо наберет вес скотина, – как тогда выкручиваться? Нет уж, объяснял дед, лучше впереди паровоза не бегать, а план выполнять от силы на сто два процента.

В общем, мышастый пока остался жить, и Бикхан приспособил его под седло, хотя зоотехник оказался прав: ростом молодой конек не удался, и сильно не удался, но и наездник у него был невысоким, худощавым и жилистым. Однако имени Бикхан мышастому не дал, чтобы слишком не привязываться, – понимал, что незавидная судьба жеребчика не отменилась, лишь отложена на год.

...Для начала проехал вдоль края уремы – там, наверху, вытянулись длинной неширокой полосой плотные заросли лозняка, но имелись в густом кустарнике кое-где узкие проходы, в них-то Бикхан и выставлял капканы и натягивал силки. Добыча сегодня не особо порадовала: два зайца попались в капканы. Дед, конечно, порадуетса свежатинке, но за шкурки заячьи много не получить.

Он прибрал добычу в торока, заново взвел капканы, установил, аккуратно припорошил сверху снежком, для такого дела имелась у Бикхана специальная деревянная лопаточка с длинной ручкой. Этой же лопаточкой – уже с седла, изогнувшись – замаскировал, забросал снегом следы своих ног. Зверей настораживает человеческий след, что пеший, что лыжный, в отличие от следов конских копыт, оттого объезжать капканы лучше верхом, хотя по глубокому снегу на лыжах сподручнее.

Один силок оказался оборван, уцелел от него лишь обрывок медной проволоки, прикрученный к стволу лозняка. Кто был в том повинен, по следам не понять, все произошло в начале ночи, до того, как снегопад прекратился. Бикхан задумался. Неужели лисица выходила на мышкование отсюда, из уремы? Зайцев медная проволока удерживала надежно, но лисица гораздо крупнее, ее такой снастью не взять. И он постановил сегодня же отправиться в МТС (давно собирался, да всё откладывал) и выменять на одну заячью тушку моток мягкой стальной проволоки. Давно надо было сладить силки понадежнее, – глядишь, и повисла бы сейчас у седла рядом с зайцами красавица-огневка, и мечта о ружье стала бы куда реальнее.

Выбрав пологий склон, Бикхан спустился вниз, в урему, ведя конька в поводу, затем снова сел в седло.

Снег здесь лежал куда более глубокий в сравнении со степью, звери натапывали в нем свои тропы – на них в удобных местах стояли капканы, и один без добычи не остался. Попалась степная куница, она же каменная. Ухваченная стальными челюстями за лапу, была она еще жива, скалилась, хрипло рычала, напоминая издаваемыми звуками разъяренную, но при этом сильно простуженную кошку. Пыталась даже атаковать, да натянувшаяся

цепочка капкана не пускала. И видно было, что хоть невелика, но злобы и ярости в ней безмерно, – проберется такой мелкий кровожадный хищник в курятник, передавит всех кур до единой, в двадцать раз больше, чем сумеет съесть.

Бикхан соскочил с седла и быстро закончил дело, как раз на такой случай рукоять его плети-камчи заканчивалась увесистым свинцовым шаром – и шкуру не портит, и куда более крупного, чем куница, хищника можно прикончить одним ударом.

Ну вот, уже кое-что. Шкурка каменной куницы дешевле, чем снятая с двоюродной сестрички, с куницы лесной. Но с зайцами всё же не сравнить, довольно удачным выдался последний день високосного года.

Однако недаром говорят: не хвали день до вечера, и очень скоро Бикхан убедился в истинности этой поговорки.

Следующий капкан стоял внизу, где вдоль русла ручья протянулась еще одна полоса кустов. В ней тоже имелись лазы, ходили через них звери и зверьки, перебиравшиеся по льду через ручей по каким-то своим звериным делам и делишкам. Но сегодня переправился не зверек. Даже не зверь. Огромная матерая зверюга.

Бикхан издалека увидел: что-то там произошло, ветви кустов изломаны, снег истоптан, разрыт так, что показалась жухлая прошлогодняя трава. При этом самой добычи не видать.

«Лиса?» – неуверенно подумал Бикхан. Неужели та самая, что мышковала наверху? Влетела в капкан, билась, билась, – и оборвала цепочку, или даже оставила лапу в капкане, порой случается такое, что добычей охотника становится лишь лисья конечность, а хищница уходит на трех ногах.

Он обманывал сам себя, и в глубине души понимал это. Даже самому крупному лису не устроить подобный раздраз. Разве что матерый барсук смог бы натворить такое, да только все барсуки мирно спят сейчас в норах, до весны не покажутся.

В следующий миг самообман потерял всякий смысл – Бикхан увидел входящий след, тянувшийся к изрытому снегу и изломанным кустам. Спрыгнул с седла, пригляделся... Здесь прошел волк. Не стая, хотя ходят серые разбойники зимой осторожно, цепочкой, и каждый ступает точно на следы идущего впереди. Но тут, в уреме, побывал волк-одиночка, на следе остались видны отпечатки каждого когтя. Громадный зверь, всем волкам волк...

Зимой обычно волки в одиночку не охотятся, ищут поживу стаями в несколько голов. Но если уж встретится одинок, то как раз самый матерый, – именно им зачастую удается уцелеть при истреблении стаи охотниками, когда полягут молодые, малоопытные переряжки. Такой волчина – битый жизнью и всякого повидавший – и через флажки махнет бестрепетно при облаве, и отравленную приманку не тронет.

Добыча завидная, конечно, да только капкан подвернулся под волчью лапу никак не по размеру – третий номер, на лису да зайца пригодный, даже у крупного барсука хватает силы из него освободиться, не говоря уж о громадном волке.

Хотя, может, и к лучшему, что не удержал серого капкан, поди возьми такого без ружья или хотя бы без пары крупных злобных собак, притравленных по волку. И все же обидно... Шкуры крупных трофейных зверей покупают по отдельной цене, для изготовления чучел, плюс немаленькая премия полагается от государства за уничтожение хищника, – с тем, что успел заработать на шкурках, уже две трети от цены ружья, даже больше. Славный мог бы случиться новогодний подарок от судьбы... но не случился.

Мышастый конек забился, заржал, попытался отпрянуть в сторону. Видать, сильный волчий дух витал над истоптанной полянкой. Бикхан кое-как усмирил животину, крепко

привязал поводья к ольхе. Как ни жаль ускользнувшую добычу, но капкан надо отыскать и насторожить заново.

Он сделал несколько шагов к лазу и вдруг услышал из кустов рычание. Низкое, вроде и не особо громкое, а холодок пробежал по спине. Волк был здесь. Ветви кустов дернулись, Бикхан пригнулся, вгляделся, – и увидел хищника. Следы не обманули: зверь громадный, но все же каким-то чудом не смог избавиться от несчастной «троечки».

Возможно, совсем недавно попался и попросту не успел еще выдернуть лапу, нужно время, чтобы протащить ее сквозь стальные дуги, теряя шерсть и раня кожу. Или же сработал «якорь» (толстое увесистое полено, отпиленное от валежины – к вколоченному в него пробую крепилась цепь капкана), – «якорь» зацепился за упругий лозняк, и тот пружинил, амортизировал рывки зверя... Бикхан не стал ломать голову, он лихорадочно решал, что предпринять, как не упустить завидную добычу... Завидную, но очень опасную.

Скакать на кочевье, выпросить там у гуртовщика Жанлыса его старенькую «тулку»? Он иногда, под настроение, даёт, особенно если пообещать часть добытого.

По уму так и надо поступить, свинцовый оголовок рукояти камчи – детская игрушка против матерого зверя. Нож? Даже не смешно, отхватит вместе с рукой. Без ружья нечего и соваться.

Но...

Туда и обратно, как ни гони, получится больше часа. Почти нет шансов, что волчина не вырвется за такой срок из капкана. А если даже не вырвется... Жанлыс наверняка начнет по своему обыкновению выпрашивать, зачем да для чего парню ружье, и про стаю куропаток нынче не соврать, патроны придется просить совсем другие, не те, что предназначены для птиц, а с пулями или с крупной картечью. Закончится всё тем, что гуртовщик решит сам сюда отправиться вместе с Бикханом, и тогда можно будет попрощаться с половиной премии, и с половиной стоимости шкуры тоже.

Он решился. Сбросил ватник, намотал на левую руку. Защита показалась тонковатой – Бикхан снял свитер, намотал сначала его, затем ватник, а поверху обвил ремешком, затянул. Теперь рука ниже локтя стала толстой, как древесный ствол, и даже самые длинные клыки до тела не доберутся. По крайней мере Бикхан на это надеялся.

Мышастый конек дергал привязь, ржал, словно пытаясь отговорить хозяина от безумной авантюры, но тот не обращал внимания, – стиснул камчу за верхний конец рукояти, словно палицу, и медленно приближался к лазу. Прежде чем сунуться в кусты, Бикхан немного помедлил. И премия, и стоимость волчьей шкуры начали казаться не такими уж большими. Еще не поздно все отменить. Ведь шанс на удачный удар будет всего один. Потом клыки серого разбойника располосуют импровизированную защиту, потом... что случится потом, даже задумываться не хотелось.

И он почти шагнул назад, даже сделал первое незаконченное движение. Но тут волк снова зарычал, как показалось, ехидно и торжествующе. От рыка Бикхан неожиданно разозлился сам на себя: если сейчас спасует перед зверем, заноза на всю жизнь останется, будет ранить душу стыдом. Он шагнул вперед, и еще, и еще... ну, чего ждешь, серый? Прыгай!

Волк словно ждал этой мысленной команды, – и атаковал.

Капкан на левой задней лапе почти не отразился на стремительности движений зверя. Оскаленная пасть не дотянулась совсем чуть, парня спасла выдержавшая цепочка, да «якорь», запутавшийся в кустах.

Бикхан отскочил и запоздало понял, каким наивным был его план: сунуть в пасть

обмотанную руку, когда зверюга потянется к горлу. Хищник туда вообще не тянулся, он только что примеривался вскрыть клыками брюхо – так же, как сотни раз в своей волчьей жизни выпускал кишки копытным животным, и домашним, и диким.

А двигался волк так стремительно, что ничего и никуда подставить Бикхан не успел. Правда, сумел-таки ударить в мохнатую башку свинцовым оголовком камчи, но получилось плохо, вскользь, серый словно и не заметил.

Конек уже даже не ржал – истошно кричал и не человеческим, и не лошадиным голосом. Сотрясая ольшину, рвался с привязи, но оборвать ее не мог, поводья были прочные, а ольха достаточно толстой.

Сейчас всё кончится, мысленно пообещал жеребчику Бикхан. Он и вправду сообразил, что сможет теперь прикончить серого без лишнего риска, не приближаясь вплотную, – покинув кусты, волк лишился очень удобной позиции, его больше не прикрывали со всех сторон густые ветви.

Бикхан быстро обмотал тонкий конец плети вокруг ладони, раскрутил камчу над головой. Рукоять вместе со свинцовым шаром рассекала воздух со свистом, импровизированное оружие напоминало теперь не странную хвостатую палицу, но кистень достаточно причудливого вида.

Серый наблюдал за этими приготовлениями, прижавшись к земле и рыча, однако отступить в заросли не пытался.

Получай! Удар свинцового шара пришелся не по голове, как метился Бикхан, – чуть дальше, по загривку. Хрусткий удар, плотный. В волчьем рычании впервые прозвучала визгливая жалобная нотка.

Не нравится? Сейчас будет добавка!

Кажется, Бикхан прокричал это вслух, внеся свой ноту в дикую какофонию из волчьего рычания и криков, издаваемых жеребчиком.

Камча снова раскручивалась над головой, но волк не стал дожидаться второго удара – бросился, и не в кусты, а на охотника.

Новый рывок был такой силы, что цепочка лопнула с резким металлическим звуком. Теперь зверя ничто не удерживало.

Бикхан инстинктивно отскочил назад. И упал, зацепившись ногой за валежину, укрытую снегом. Не успел даже испугаться – волк был уже над ним и немедленно пустил в дело пасть. Каким-то чудом парень успел подставить обмотанную руку, выиграв считанные секунды. Камча помочь сейчас не могла, он неловко потянулся за ножом, сам понимая, что не успеет...

И всё закончилось.

Не для Бикхана, как стоило ожидать, – для волка.

Парень очумело поднялся, не понимая, что произошло. Расположенный клыками ватник топорщился клочьями ткани и ваты. Пульс грохотал в ушах, кровь кипела азартом схватки. Нож был в руке, но надобность в нем отпала.

Волк лежал неподалеку, вокруг мохнатой башки снег намокал красным. Задняя лапа дернулась, затем еще раз, послабее. И серый разбойник затих навсегда.

«Конек!» – понял вдруг Бикхан. Сумел ли понять мышастый лошадиным разумом, что после хозяина придет его очередь, или же действовал по инстинкту, – не так уж важно. Главное, что он лягнул задними ногами оказавшегося рядом хищника, и очень удачно попал.

...Что несколько последних капканов остались без проверки, Бикхан вспомнил, когда

поднялся из уремы наверх, ведя жеребчика в поводу (волк тащился сзади на волокуше из двух торопливо срезанных ольховых жердин, в одиночку взгромоздить тушу зверя на лошадиную спину не хватило сил). Вспомнил – и махнул рукой, возвращаться не стал. Даже если попался еще один зайчишка, после ТАКОЙ добычи совсем не жаль, если расклюют ушастого сороки...

Жеребчик вел себя беспокойно, не нравился ему волочащийся сзади серый пассажир. Бикхан обнял спасителя за шею, успокаивал, прошептал в ухо:

– Никому тебя не отдам. А зваться отныне будешь Батыр.

Эпизод 2. День. Еще один волк-одиночка

Каморка была в длину метра полтора, в ширину вдвое меньше, при этом значительную часть скудного объема занимали швабры, ведра, бумажные мешки с хлоркой, картонные коробки с чем-то еще, необходимым для выполнения уборщицами своих обязанностей (Мальцев не стал интересоваться содержимым). Теперь к инвентарю тружениц ведра и тряпки добавились еще и стремянка, и объёмистый ящик с инструментами. Короче говоря, для воздуха оставалось совсем мало места. И какая-либо вентиляция отсутствовала – зачем, раз никто сюда надолго не заходит. А Мальцев зашел и задержался, уже не первый час находился здесь, – и дышать ему было все труднее и труднее.

Он тихонько отжал дверь – так, что между косяком и дверным полотном получился зазор в несколько миллиметров – и буквально-таки пил сочившуюся снаружи струйку свежего воздуха. Это был риск. Технический коридор освещен скудно, лампы висят редко. Но все же кто-то глазастый и внимательный, проходя мимо (а ходили здесь часто, дергать дверь туда-сюда смысла не имело), мог заметить: приоткрыта дверь, которой положено быть не только затворенной, но и запертой. Разумеется, и на такой случай у Мальцева имелся план действий, он никогда не оставлял без внимания и проработки любое развитие событий. Но лишних проблем не хотелось – и, продышавшись и хоть чуть-чуть освежив воздух в кладовой, Мальцев вернул дверь в прежнее состояние. Оставалось подождать всего полчаса, выдержит.

Как всегда бывает, последние минуты тянулись особенно медленно. Наконец, послышался долгожданный звук: колокол громкого боя выдал трель на манер школьного звонка, только короче. Вскоре коридор заполнился быстро шагающими, переговаривающимися между собой людьми. Сектор в полном составе отправился на обед.

В другом, более мирном учреждении, наверняка остались бы на рабочих местах сотрудники, желающие сэкономить и подкрепиться принесенными из дома бутербродами. Но только не здесь. НИИ п/я 117 работал исключительно на оборону, занимался всякими секретными вещами, и, отправляясь обедать, старшие по помещениям проверяли, чтобы никто там не остался, затем запирали двери и опечатывали их. Предусмотрительно, что ни говори, – ну как какой-нибудь собравшийся перекусить прямо на рабочем месте совслужащий окажется шпионом – вытащит из свертка с бутербродами фотоаппарат, да начнет фотографировать секретные документы? Однако сейчас строгое выполнение инструкций работало на Мальцева: никто не помешает выполнить задуманное.

Дождавшись, когда стихнут голоса уходивших, он торопливо покинул убежище. Обед длился семьдесят минут (начальство щедро накинуло десятиминутку на путь к неблизкой столовой и обратно), нельзя терять зря ни одной.

Ушли все, да не совсем. Двое вохровцев, дежуривших в пультовой, там и остались. Они покидали ее только по одному и только в случаях, предусмотренных инструкцией, а обед к таким не относился. У них там и отдельный ватерклозет имелся, примыкавший к пультовой, и узенькая кушетка, и электрочайник – единственный легальный электрочайник во всем секторе.

Дверь кладовки распахнулась без малейшего скрипа, петли Мальцев заранее смазал самым тщательным образом. Выскользнув наружу, он торопливо, но все же не бегом двинулся к электрощиту, было до того шагов сорок. На нем был надет длиннополый темно-

синий халат, обычный для здешнего техперсонала, лишь застегнут – обыкновениям персонала вопреки – высоко, под самое горло, чтобы никто не увидел, что под халатом: добротный шевиотовый костюм, да еще и с галстуком, – на технике или электрике такой наряд смотрелся бы неуместно. Скинув халат, Мальцев мгновенно преобразался из серой технической мышки в сотрудника с куда более высоким статусом, облеченного властью (трюк такой возможен лишь в организации большой, где несколько сотен сотрудников и все они друг друга в лицо не знают). Разумеется, для двух ипостасей была проработана своя манера держаться, и свой строй речи, и даже походки весьма различались.

Щит, прикрытый двумя металлическими створками, находился высоко, – стоя на полу, до рубильников и предохранителей не добраться. Но Мальцев побывал здесь заранее со стремянкой и всё подготовил. Сейчас он лишь приподнялся на цыпочки, пошарил над головой, нащупал практически невидимый кончик рыболовной жилки, – и тут же пошагал обратно, на прежнюю свою позицию. Жилка была уложена внутри щитка особым образом – чтобы разматывалась легко, не перехлестнулась и не запуталась.

Сейчас ВОХРа не та, что была в 1931 году, когда Мальцев планировал свою первую самостоятельную, без участия Графа, операцию. Для тех давних вохровцев выдумывать хитрые трюки не требовалось. Склады, пакгаузы, составы на сортировочных станциях охраняли сторожа с берданками, набранные с бору по сосенке – кто соглашался на небольшой оклад, тех и брали. В учреждениях сидели предпенсионных лет вахтеры с наганами на боку – те револьверы не только по несколько лет не стреляли, но и не чистились, и не смазывались.

Однако в тридцать третьем случился лютый голод в черноземных областях России, и на Украине, и в Казахстане. Оголодавшие, доведенные до отчаяния люди сбивались в толпы, громили склады и вагоны на товарных станциях, – и с продовольствием, и не только с ним. Дедушки с берданками не могли справиться с многочисленными голодными людьми, – те инстинкт самосохранения утеряли напрочь, осталось лишь желание любой ценой наестся досыта. Справились другие – привлеченные к делу внутренние войска. Позже голодные бунты объявили «кулацкими восстаниями», а службу ВОХР кардинально реорганизовали, передав под крыло НКВД.

В НИИ п/я 117 службу нынче несли не пенсионеры – крепкие натасканные в охранном деле бойцы, и в основном не молоденькие парни, – мужики лет по тридцать-тридцать пять плюс-минус. И к дисциплине приученные. Но все же она, дисциплина, неизбежно падает, когда служба превращается в рутину: день за днем одно и то же, ничего нового. На этом и построил свой расчет Мальцев.

Он выбрал слабинку жилки и резко дернул. Жилка не подвела, да и не могла подвести, каждый ее метр был тщательно опробован на разрыв. Со стороны электрошита раздался громкий щелчок, слышимый даже здесь. Свет в коридоре погас. И во всем секторе погас. И в пультовой тоже. К сожалению, сигнализацию спецхранилища таким способом не обесточить, там свой, отдельный кабель, причем не обозначенный на общей схеме энергоснабжения здания – и черта с два его вслепую отыщешь, не раздолбив все стены. Однако любую проблему можно решить, и ключ к решению нынешней лежал в пультовой.

Он намотал несколько витков жилки на рукав и дернул еще раз, теперь гораздо сильнее. Натяжение ослабло, Мальцев начал быстро сматывать свою «рыболовную снасть». Но попалась рыба или нет, пока не ясно.

Это был его четвертый визит в НИИ. То, что сейчас происходило, он повторял уже

в третий раз (но до сих пор на том и останавливался). Исходя из графика чередования смен, сейчас в пультовой находятся те самые вохровцы, в последнее время уже дважды сталкивавшиеся с этой проблемой: с началом обеденного перерыва отчего-то гаснет свет. Но мог случиться сбой – кто-то из охраны заболел, или по иной причине поменялся сменами. Женится, например. Вохровцы тоже люди и порой вступают в брак. Тогда операция отложится. Мальцеву нужна была именно эта парочка, приученная к отключениям света.

Удача не подвела. Охранники дежурили те самые, нужные. Не стали, как в первый раз, звонить в АХЧ, а потом дожидаться электрика, сидя при тусклом свете слабенькой аварийной лампочки. Решили сами быстренько все исправить и наладить.

Заскрежетал замок. Вышли оба. Это было нарушением инструкции, причем грубым. Но кто о том узнает, минутное же дело...

Впрочем, натасканы вертухаи были хорошо, и до конца в грех разгильдяйства не впали. Первым делом луч мощного фонаря метнулся в одну сторону, в другую (оружие, в этот момент было в руках, готовое к стрельбе).

Разумеется, ничего подозрительного дежурные не увидели. Под щитом никого, и во всем длинном коридоре тоже никого. А чтобы заметить быстро уползавшую в кладовую жилку, надо было не просто обладать орлиным зрением, но и специально всматриваться, шарить взглядом по полу.

Снова скрежетнул замок, охранники заперли свою берлогу. И торопливо пошагали к электрощиту, один нес фонарь, второй табурет.

– Точно тебе говорю, Степаныч, какая-то гнида здесь остается, – услышал Мальцев совсем рядом молодой фальцет, наполненный эмоциями. – И кипятильник, гад, врубает. Они, знаешь, повадились такие хитрые кипятильники делать, что ни при каком шмоне не найдешь. Из бритвенного лезвия, представляешь? Мощная штука, кипятит быстро, вот только предохранители на раз вышибает. Надо что-то делать, вычислять гадину!

Ответил глубокий баритон, явно принадлежавший человеку куда старше и звучащий спокойно и равнодушно:

– Повторится еще раз, напишем рапорт Осипенке. Пусть начальство думает и вычисляет, на то оно и начальство.

Дальше Мальцев не вслушивался. Решив, что источники голосов удалились достаточно, он выскользнул в коридор и двинулся следом.

Первоначальный, черновой план предусматривал, что дежурные своими силами исправить повреждение не сумеют, что Мальцев подойдет к ним и к щиту открыто – под видом электрика, со стремянкой, с инструментами, – но от этой идеи пришлось отказаться. Электрик, даже самый усердный и исполнительный, не сможет оказаться в обесточенном секторе почти мгновенно, необходима пауза хотя бы в несколько минут. Эти лишние минуты никак не получалось втиснуть в жестко лимитированное время операции.

Пришлось рисковать. Вохровцы могли что-то услышать, либо почувствовать движение за спиной, обернуться, осветить коридор фонарем...

Риск был оправдан, шагал Мальцев практически бесшумно. Подкованные ботинки вертухаев производили в разы больше шума. А на нем была обувь особая, на заказ сделанная одним из последних кустарей-сапожников. Взглянуть со стороны – мужские кожаные туфли, модные и вполне подходящие владельцу недешевого шевиотового костюма. Однако снизу не кожаные подметки, обычные для такой обуви, а толстые каучуковые, гасящие любой звук.

И все же риск был. Иногда у людей срабатывает подсознательное чутье на опасность.

Пресловутое шестое чувство. И тогда они оборачиваются без видимой причины.

Эти не обернулись. Продолжая разговор, дошагали до щита, там один взгромоздился на табурет, второй подсвечивал снизу.

Возможность ознакомиться со списком дежурных у Мальцева была, и эту пару он выбрал неспроста. Привлекли их даты рождения – один самый младший в небольшом коллективе, второй самый старший. Понятное дело, готовящийся к пенсии вертухай натаскивает достойную смену.

Луч фонаря был направлен на щит, Мальцев не мог разглядеть в темноте, как распределились роли у дежурных, однако не сомневался: к щитку полез молодой, а Степаныч подсвечивает снизу.

Не ошибся. Сверху прозвучал знакомый фальцет, бормотавший:

– Ну точно, так и есть...

Одновременно с началом фразы тряпка, густо пропитанная хлороформом, впечаталась в лицо Степаныча. Тот дернулся, уронил фонарь, потянулся к кобуре – но Мальцев был готов к этой попытке и легко ее пресек.

– Степаныч?! – прозвучало сверху.

Фонарь не разбился при падении, но откатился в сторону и светил в дальний конец коридора. И Фальцет не мог разглядеть, что здесь происходит. И того, что их стало уже не двое, а трое, понять не смог.

– Сер... сердце... – произнес Мальцев из темноты хриплым шепотом.

– Сейчас, Степаныч, сей... – забормотал молодой, слезая с табурета, и не закончил, тряпка с хлороформом прервала его на полуслове.

* * *

Подвальный коридор перегораживала решетка, рядом был оборудован пост: стул, небольшой столик, телефон на стене. Сейчас стул пустовал, недавно проведенная сигнализация заменила живого охранника, и это стало ошибкой.

Замок на решетке Мальцев отомкнул ключом, позаимствованным в пультовой. Оба вохровца спали там сейчас здоровым и крепким сном, энергоснабжение сектора было восстановлено, а с сигнализацией произошло обратное, – и она, разумеется, промолчала. Мальцев взглянул на часы – в срок уложился идеально, даже остались в запасе четыре лишние минуты.

Два сейфа в хранилище стояли, оставшиеся еще с царских времен – громоздкие, основательные, с бронзовыми завитушками, и даже двуглавые орлы так до сих пор красуются на дверцах, не сбиты, не срезаны, не покрашены. Фирма «Сан-Гали», модель девятьсот третьего года. Надежная модель... была в те времена. Мальцев мог вскрыть каждый из сейфов, потратив минут десять, не дольше. Собственно, к дерзкой идее проверить все днем, в обеденный перерыв, он пришел после того, как узнал, какие именно сейфы здесь установлены.

Он доставал стетоскоп из ящика с инструментами, когда слышались шаги, громко звучащие в тишине коридора. Мальцев обернулся.

В хранилище вошел человек. Высокий, плотно сбитый, его гладко выбритый череп сверкал, отражая свет ламп. Форма и петлицы майора госбезопасности.

Мальцев, стоявший со стетоскопом в руке, указал взглядом на сейф: продолжать, дескать?

– Достаточно, – махнул рукой майор госбезопасности Павлюков. – Что ты эту «санюгалю» вскроешь, даже толком не вспотев, я и так знаю. Запирай решетку и пойдём на разбор полетов.

Шагая вслед за майором по лестнице, Мальцев вспомнил, что нынче в полночь наступит новый, 1941 год. Хоть сегодня рабочий день, и завтра тоже, а все-таки праздник. Надо бы отметить, да нечем. Не полагается заключенным шампанское, салаты с разносолами тоже. Ладно, переживёт. Зато уж через год... 1942 год будет встречен на высшем уровне. И на свободе.

До конца срока оставалось еще семь с лишним лет, но Мальцев хорошо понимал, что вычеркивать дни в календаре ему смысла нет. Закончится этот срок, намотают новый. Никто не выпустит на волю специалиста по проникновениям в банки и прочие хранилища ценностей – узнавшего все то, что успел узнать Мальцев, отбывая срок при минском ЦКБ, проектировавшем охранные системы.

Трудиться консультантом при «шарашке» – работа не пыльная, не лесосека и не золотой прииск. Но порой Мальцев думал, что лучше бы уж он вкалывал вальщиком или сучкорезом где-нибудь в Карелии или Коми. Потому что рано или поздно у ЦКБ пропадет нужда в услугах консультанта-уголовника. У него уже случались пару раз осечки, не удавалось найти бреши в продуманных системах охраны и разработать реальный план проникновения.

А если неудачи начнут случаться все чаще и чаще, что тогда? Мальцев подозревал, что его тогда не отставят с нынешней должности и не этапируют на лесосеку. Товарищи чекисты подберут расстрельную статью, причем, как любит выражаться Павлюков, «толком не вспотев».

Альтернатива оставалась одна – побег. Стерегли «шарашку» на совесть, но все же Мальцев был профессионалом в таких делах, а извне или изнутри проникать сквозь защитные периметры, не столь уж важно.

План побега, отшлифованный в мельчайших деталях, был наготове уже почти год. Однако Мальцев не спешил. Он понимал, насколько выросла его квалификация, и растет с каждым очередным тестированием каждой новой охранной системы. Наверняка он уже сейчас лучший специалист в стране... Проблема в том, что это могут сообразить и другие, – сообразить и принять меры. Даже выдумывать ничего не придется, когда его взяли в 1938 году с поличным рядом со вскрытым сейфом – в том сейфе, на беду, лежали не только деньги, но и какие-то секретные документы, ничуть Мальцева не интересовавшие. В общем, рисовали ему статью 58, контрреволюция в форме шпионажа, – но тут как раз случилась смена руководства НКВД, и новый курс предписывал не плодить шпионов, высасывая дела из пальца. В итоге Мальцев получил свой «червонец» по уголовной статье и оказался в ЦКБ. Но при нужде долго ли достать из архива папку и сдуть пыль с протокола, в котором фигурант признается в сотрудничестве с польской разведкой? И всё, можно смазывать лоб зеленкой, даром что Польша уже исчезла с карты...

И все же он постановил отложить побег до лета 41-го. В ЦКБ поступил новый заказ, причем секретный настолько, что специалисты, работавшие над отдельными узлами, не имели теперь права общаться друг с другом. И все же шило в мешке не утаишь – по «шарашке» циркулировал слух, что работа идет над глубоким подземным хранилищем для чего-то крайне ценного. Для Алмазного фонда, например.

Это было интересно... Это, черт возьми, было крайне интересно. Провести одну операцию, которая войдет во все учебники криминалистики, – последнюю, обеспечить себя на всю жизнь и навсегда покончить с опасной работой, в которой любая ошибка может стать фатальной.

Мальцев решил рискнуть и дождаться завершения проекта. Вот только план проникновения в спроектированное хранилище (если удастся его придумать) он выкладывать начальству не будет, дескать, надежность абсолютная. Использует позже. Для себя.

Эпизод 3. Вечер. Ангел с опаленными крыльями

Рождественский ангел напоминал елочную игрушку, хотя предназначался не для елки, – сам из тончайшего стекла, лишь крылья из другого материала, из толстых и жестких волокон, – вязких, кажется, но сделаны те крылья были очень искусно, и казались настоящими, из перьев. Когда-то с нарядным ангелочком произошла беда – нижние концы крыльев почерневшие, обугленные. словно пролетал когда-то бедолага над пожаром и не уберёгся.

– Это я провинилась. Давно, еще в школе, – пояснила Ксюша, заметив, что Яков внимательно разглядывает повреждения. – Гоша был моей самой любимой игрушкой... Наверное, оттого, что доставать его позволялось всего лишь раз в год. В последний вечер года. Тогда еще мама была жива...

Она замолчала, смотрела отсутствующим взглядом, явно вспомнив что-то не самое веселое. Находилась мыслями где-то не здесь и не сейчас – наверное, в тех днях, когда на белоснежных крыльях ангела не было ни пятнышка копоти.

– Гоша?! – Яков постарался своим изумленным вопросом изменить ход мыслей девушки, не стоит в такой особенный вечер погружаться в грустные воспоминания. – Странное имя для ангела.

– Ну... я всем своим игрушкам давала имена, а откуда знать в третьем классе, как должны зваться ангелы.

Страхнув задумчивость, Ксюша продолжила доставать детали из коробке – судя по надписям на ней, сделали игрушку в Германии еще в конце прошлого века. Девушка соединяла детали привычно, не задумываясь, – ангел был лишь составной частью довольно замысловатой конструкции. Яков даже не знал, как ее назвать. Подсвечник? Не совсем, хотя внизу укреплены в гнездах две небольшие свечи. Закончив сборку, Ксюша чиркнула спичкой, подожгла одну свечу, другую. Затем шагнула в сторону, щелкнула выключателем на стене, люстра погасла.

– Смотри! Маленькое новогоднее чудо!

Горячий воздух от свечей стремился вверх, к колесу с наклонными лопастями, венчавшему конструкцию, – оно начало раскручиваться, подвешенные под ним два стеклянных шарика задевали при вращении небольшие бронзовые полусферы, и те позвякивали на манер колокольчиков, негромко, но мелодично. Свет от свечек проходил сквозь прорези колеса, и на темном потолке закружился желтый узор. Яков подумал, что Германия, когда в ней сделали это «новогоднее чудо», была обычной нормальной страной, и бронзовая шестиконечная звезда, над которой «парит» опаленный ангел, символизировала тогда лишь Вифлеемскую звезду и ничего более... Сейчас, наверное, если не прекратили выпуск, то заменили звезду свастикой.

– Я тогда понятия не имела о физике и ее законах, и всё это, – Ксюша кивнула на игрушку, – казалось мне самым настоящим маленьким чудом: само крутится, само звенит... Смотришь и загадываешь желание – самое важное, самое главное в наступающем году, и оно непременно исполняется. Однажды я решила устроить это чудо для себя тайком, во внеурочный день, когда оказалась одна дома. Так было нужно, у меня было очень-очень важное желание, и ждать до Нового Года было никак нельзя. Но свечи тут нужны совсем маленькие, коротенькие, я таких не нашла, взяла большие, с кухни... Дальше продолжать?

– Да в общем-то понятно, что случилось дальше. – Яков осторожно прикоснулся к обугленному кончику крыла: даже сейчас, со штатными свечами, жар ощущался нешуточный, а большие кухонные свечи начали сразу же подпаливать беднягу ангела. – Родители сильно ругали?

– Нет... Никто ничего не узнал до следующей зимы. Мама... мама как раз в тот год умерла. Чуда не случилось, загаданное желание не сбылось. А отец никогда меня не ругал, вообще никогда. Он со мной, если провинюсь, *разговаривал*.

Последнее слово девушка произнесла так, что Якову не захотелось спрашивать, что это были за разговоры и как происходили.

Отец ее был личностью полумифической. В школе он не разу не появлялся с тех пор, как они с дочерью переехали в Куйбышев (тогда еще в Самару), и Ксюша Суворина стала ходить в тот самый восьмой класс, где учился Яков. На родительские собрания загадочный родитель не являлся, к директору или педагогам его не вызывали (да и не возникало для того причин, успеваемость и дисциплина у дочери не хромали).

За все время Яков видел отца раза три, да и то издалека, мельком, – потом и не узнаешь, если вдруг доведется столкнуться близко. Происходило это примерно так: «Вон, смотри, Ксюхин отец покатил!» – говорил кто-то из приятелей, показывая рукой, а поди разгляди через стекло 101-го ЗИСа, кто там катит... Когда учились в школе, знали лишь, что отец у одноклассницы «большой начальник», а вопросом, чем он конкретно руководит, как-то даже не озадачивались... чем партия прикажет, тем и руководит. Позже, уже в студенчестве, у некоторых такой вопрос возникал. Ответом чаще всего бывал мимический этюд, озвучить который можно было так: «Умные люди таких вопросов не задают, а если спросит дурак, то умный не ответит». Лишь крайне редко звучали смутные намеки, что из окон кабинета Ксюшиного папы открывается вид на места не столь отдаленные (которые на самом деле весьма даже отдаленные, где солнце светит, но почти не греет).

* * *

С Ксюшей они были знакомы уже семь с лишним лет, почти восемь, но по настоящему всё началось этой зимой.

Раньше, в школе, как-то мало обращали друг на друга внимание, хоть и учились в одном классе. А потом жизненные пути-дороги разошлись, Ксюша уехала в Москву, поступать в Институт иностранных языков, – поступила, разумеется. Яков тоже подал документы в вуз, и тоже поступил, – но здесь, в Куйбышеве, на энергетический факультет КИИ. На единственную за годы студенчества встречу школьных выпускников Ксюша из Москвы не приехала, а нечаянно столкнуться на улице, когда девушка приезжала на каникулы, как-то не случилось... До этой зимы не случилось.

Встретились они декабрьским воскресным вечером на динамовском катке – Яков был не один, в компании с Гошей Стукалиным, студентом их группы, и с двумя девушками с потока, причем к одной из них, Насте, испытывал серьезный интерес... так Якову тогда казалось. Увы, Настя в тот вечер осталась без пары. И подруга Ксюши, составившая компанию ей в том походе на каток (имя девушки через пять минут вылетело из памяти), – тоже вычерчивала узоры по льду одна, обиженно надув губы.

А они... увидели друг друга, сразу узнали, заговорили. Обменялись новостями, благо

накопилось тех немало: и о своей учебе, и о тех одноклассниках, с кем доводилось встречаться в последнее время. И вроде бы всё, можно заканчивать разговор, и разъехаться в разные стороны, и снова несколько лет не встречаться. Но они не разъехались, говорили и говорили – когда смолкала гремевшая над катком музыка, а когда она гремела и заглушала слова, просто катались вместе. И как-то само собой получилось, что он пригласил Ксюшу на новогодний вечер энергофака, и там они снова танцевали и говорили, говорили и танцевали, но уже не на льду, а на гладком паркетном полу институтского актового зала, превратившегося на один вечер в бальный зал... Назавтра никаких мероприятий, куда можно было бы пригласить Ксюшу, Яков не припомнил, – и они попросту сходили в кино, затем гуляли по городу, и забрели на улицу Обороны, бывшую Казанскую, где двухэтажные особнячки с фасадами, увитыми стеблями винограда, помнили описанные Островским времена, когда Катерина бежала к обрыву, а пароход Паратова «Ласточка» рассекал волжские волны.

(Все, жившие в старой Самаре, твердо знают, что именно их город выведен в пьесах великого драматурга под разными вымышленными названиями, и даже уверенно называют фамилии семейств, в историях которых Островский почерпнул и сюжеты, и прообразы для персонажей; впрочем, то же самое столь же уверенно и доказательно смогут поведать старожилы еще полудюжины, если не более, поволжских городов.)

Там, на Казанской, они впервые поцеловались.

* * *

Ксюше всегда казалось, что любовь с первого взгляда – это нечто иное. Увидела человека – и неожиданно, словно удар молнии, наступает понимание, что вы должны быть навсегда вместе. Она верила, что так случается. Но отнюдь не со всеми: либо не всем везет, либо не все к такому способны. С ней, например, не случилось. Может, не везло, может, уродилась не способной.

А вот отец рассказывал, что у них с мамой все началось именно так. Встретились они в грозном восемнадцатом году, посреди войны, огня, смерти, разрухи и наступления белых по всем фронтам. Он был лихим кавалеристом, командовал эскадрой. Она, комсомолка, приехала в кавбригаду по линии культпросветработы. Он взглянул на нее в первый раз, – и пропал навсегда, утонул в ее серых глазах. Через год с небольшим, в конце девятнадцатого, родилась Ксюша. Война еще продолжалась, но на юге белых гнали к Черному морю, а на востоке – к океану, и победа была близка, и ее, новорожденную Ксюшу, тогда чуть не назвали Побединой, да вовремя передумали.

Вот так всё случилось у родителей – с первого взгляда. А у них... Ну, какой же он первый, если за три совместных школьных года были, наверное, тысячи взглядов, сотни уж точно? Но *первым* не стал ни один из них... А теперь словно новыми глазами взглянула на парня, которого знала много лет, и поняла: да, это он.

Когда зашла речь о встрече Нового Года (а в том, что встречать будут вместе, сомнений у обоих уже не оставалось), Яша начал было предлагать общагу энергофака, – дескать, будет весело. Ксюше веселиться в большой компании не хотелось, она сказала, что для нее Новый Год праздник домашний, встречает его всегда в кругу семьи. И, несколько неожиданно даже для себя, пригласила Яшу провести новогоднюю ночь у нее дома.

Она лукавила. После смерти мамы праздник остался семейным, но домашним быть перестал, лишь один раз их сократившаяся семья встретила его дома. Вроде все было как всегда: поблескивала игрушками наряженная елка, и прозвучал из репродуктора бой курантов, и шампанское глухо выстрелило в потолок, и на столе стояли те же самые праздничные блюда... И все было иначе. Безумно не хватало мамы. Ее не хватало всегда, но в ту ночь особенно. Праздник не удался. Отец это понял, он всегда все понимал, – и через год отвел дочь к портнихе, и та сшила ей вечернее платье, самое настоящее, как у взрослых, – а на новогоднюю ночь отец заказал столик на двоих в ресторане, там было шумно, вместо обычной программы джазового оркестрика на эстраде разворачивалось праздничное представление, конференсье с шутками-прибаутками объявлял новые номера... Но их столик стоял в глубокой нише стены – вроде вместе со всеми, но все-таки вдвоем, а шумное веселье оставалось лишь фоном, – и Ксюше, в общем, понравилось. Черная тоска, одолевшая в прошлый раз, не появилась.

С тех пор они встречали Новый Год именно так: в ресторане, вдвоем с отцом.

Вернее, в последнее время не совсем вдвоем... Теперь они не уезжали из ресторана сразу по завершении концертной программы, начинались танцы, Ксюшу приглашали танцевать молодые люди – и все, как на подбор, оказывались сыновьями отцовских друзей, знакомых или сослуживцев (стоило ожидать, столик в том зале и в ту ночь человек с улицы заполучить не смог бы: спецобслуживание). Она никому не отказывала в танце, но развития эти мимолетные знакомства не получили, хотя попытки к тому со стороны сильного пола были... С одним настойчивым юношей, правда, сходила потом пару раз в кино, – но каникулы закончились, Ксюша уехала, пообещав написать. И не написала.

Яша, услышав приглашение, замялся, ответил не сразу, и она решила, что догадывается о причине. Сказала, что отца не будет, что позавчера его срочно вызвали в Москву, и вернуться к празднику он не успеет. Да, так уж совпало: отец позвонил из столицы, проинформировал о задержке, не извиняясь, – такая служба, понимать надо – и сказал, что традиционный столик на двоих уже забронирован и оплачен, и она, Ксюша, если есть желание, может воспользоваться на пару с кем-нибудь из друзей или подруг.

Они в новогодний вечер поужинали вдвоем в ресторане, но ушли задолго до полуночи. Ксюша чувствовала, что ее кавалеру не по себе среди «отцов города», да и те с легким недоумением поглядывали на новое лицо.

...И теперь Ксюша собрала старинную игрушку, запустила ее, и загадала, глядя на опаленные крылья ангела: пусть Яша признается мне в любви. Не в течение года, прямо сейчас. И пусть – загадывать так уж загадывать – пусть предложит руку и сердце.

Как давно доказано прогрессивными советскими учеными, ангелы антинаучны, равно как и любое волшебство.

Но, наверное, все же имелось в этом стеклянном ангеле доброе рождественское волшебство – немножко, совсем чуть-чуть. Потому что Яша положил ей руки на плечи и произнес под мелодичное позвякивание германской игрушки:

– Я люблю тебя и прошу стать моей женой.

* * *

До полуночи оставалось недолго. Новогодний стол накрыт не был, Ксюша не ожидала,

что они уйдут из ресторана настолько рано, и ничего не приготовила, – вернее, не попросила приготовить Прасковью, их приходящую домработницу и кухарку, – сама Ксюша кулинарными талантами, мягко говоря, не блистала. В общем, стол пустовал. Не выставлять же на него баранье рагу с тушеной картошкой, оставшиеся от обеда? Даже шампанского не было, и от традиционного выстрела пробкой в потолок под бой курантов придется сегодня отказаться. Ну и ладно, не это главное.

И вдруг она вспомнила о бумажном пакете, что лежал на кухне, так и не распакованный, – его привез днем Гена Морквин, бессменный папин водитель. В пакете был праздничный продуктовый набор, и школьницей Ксюша обожала распаковывать такие наборы, что распределяли у отца на службе, – там зачастую оказывалось что-то необычное, ранее не виданное, не встречающееся в продуктовых магазинах и на обеденном столе. Например, однажды она целый вечер ломала голову над небольшой консервной банкой прямоугольной формы: что лежит внутри? Надписи были на непонятном языке, картинки на банке никакой ясности не давали – изображен был дяденька с окладистой бородой, одетый по-старинному: камзол с жабо, берет странного вида. А еще плывущий по волнам парусник, тоже давней постройки. Понятно, что внутри продукт заморский, издалека привезенный, но что именно? Оказалось, что скрывались в загадочной банке всего лишь уложенные рядами небольшие рыбешки, напоминающие шпроты, только цвет побелее и вкус совсем другой.

Сегодня она даже не удосужилась заглянуть в пакет, положила на кухне и вернулась к прерванному занятию – Ксюша придирчиво выбирала, что надеть для похода в ресторан. Нет, она ни в малейшей мере не была модницей, помешанной на нарядах. Проблема, и немалая, состояла в другом. Яша вырос в семье скромного достатка, а сейчас жил на студенческую стипендию да немного подрабатывал чертежником-надомником. Как такие доходы отражались на гардеробе студента, понятно без объяснений. Ксюшу это ничуть не смущало: всё впереди, всего сами добьются и всё заработают. Но одеваться она старалась попроще, отправляясь на свидания с Яшей, чтобы не смущать парня и не выглядеть в его глазах чванливой «начальничьей дочкой». Однако новогодний визит в ресторан дело особое, Ксюша чувствовала, что никак нельзя было появиться там Золушкой, вырвавшейся на бал прямым с кухни и не пообщавшейся предварительно с феей-крестной.

Пришлось искать золотую середину, и о праздничном наборе Ксюша попросту позабыла. А сейчас вспомнила. Внутри на сей раз ничего таинственного и будоражащего воображение не оказалось. Коробка шоколадных конфет «Красный Октябрь» с изображением Спасской башни. Мандарины, килограмма полтора, а самое главное – бутылка «Советского шампанского». Ура! Традиция не прервется!

* * *

Комнату по-прежнему освещали лишь две свечи немецкой игрушки. Мандарины лежали в хрустальной вазе – ярко-оранжевое и пахучее напоминание о лете. Шампанское пузырилось в бокалах.

За минувший 1940-й год уже чокнулись, Яков разлил по второй, но пока не выпили, говорили о наступившем 1941-м, о своих планах, ставших теперь общими. Пожениться решили в конце лета, в августе. Раньше никак – оба заканчивали образование, причем

в разных городах. И переводиться в другой вуз, чтобы оказаться поближе друг к другу, уже смысла нет: впереди лишь преддипломная практика, написание и защита дипломов. А у Якова вдобавок летом полуторамесячные сборы в войсках, завершающие обучение на военной кафедре института, – и по их завершении новоиспеченный инженер получит в придачу к диплому и вузовскому значку еще и погоны лейтенанта запаса.

– Шампанское выдыхается, – вспомнила Ксюша, сообразив, что обсуждать планы на грядущий год можно бесконечно. – Давай просто выпьем за наступивший, за сорок первый!

– Мне кажется, что он станет лучшим годом в нашей жизни. Долго потом вспоминать будем. И если твой Гоша выполняет желания посторонних, то моё именно такое.

В мерцающих отблесках свечей Якову казалось, что германский ангел с опаленными крыльями улыбается, и улыбка его говорит: не сомневайся, парень, всё исполнится в точности, не позабудешь этот год никогда.

* * *

Кое-что о своем завершении учебы она не рассказала Яше. Не могла рассказать, не имела права, даже если бы захотела, – давала подписку. Дело в том, что последний перед дипломом год Ксюша училась в МГПИИЯ (в просторечии ИнЯз) уже не на дневном, а на вечернем отделении. А днем параллельно обучалась в другом заведении, в спецшколе, не размещавшей рекламные объявления о приеме абитуриентов. Курировал школу пятый (иностраный) отдел ГУГБ НКВД.

Сводка главного командования Красной Армии за 22.06.1941 года

С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Чёрного моря и в течение первой половины дня сдерживались ими. Во второй половине дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войск Красной Армии. После ожесточённых боёв противник был отбит с большими потерями. Только в Гродненском и Кристынопольском направлениях противнику удалось достичь незначительных тактических успехов и занять местечки Кальвария, Стоянув и Цехановец (первые два в 15 км и последнее в 10 км от границы).

Авиация противника атаковала ряд наших аэродромов и населённых пунктов, но всюду встретила решительный отпор наших истребителей и зенитной артиллерии, наносивших большие потери противнику. Нами сбито 65 самолётов противника.

Эпизод 1. Две мечты

Беда пришла, когда Бикхан занимался не самым обычным для себя делом: коротал жаркий послеобеденный час с книжкой в руках. Да не просто с книжкой, а с учебником русского языка. Неожиданное занятие для юного труженика-скотовода, уже получившего свидетельство об окончании школы, к тому же изрядно намахавшегося сегодня косою в прохладные утренние часы (вторая бригада совхоза им. тов. Маджафарова находилась сейчас вдали от пасущихся стад, занималась заготовкой кормов на зиму).

Но у Бикхана была мечта, объяснявшая странную и несвоевременную тягу к знаниям.

Вернее, были две мечты, но одну он уже исполнил: приобрел-таки весной ружьё, да какое! Больше года оно лежало в автолавке, что приезжала к ним совхоз, порой местные охотники присматривались к нему, вертели в руках, но откладывали, – дороговато, дескать. А Бикхан купил!

Исполнению мечты, конечно, помог добытый волк. Об этом успехе Бикхана толковали в совхозе долго, еще бы: такого матерого хищника одолел совсем пацан, да к тому же и без ружья, считай, голыми руками (вклад в свой триумф конька Бикхан не то чтобы скрывал, но не афишировал). Взвешенная волчья туша вытянула восемьдесят девять килограммов, и зверь оказался рекордным, четвертым по размеру из добытых в Куйбышевской области за все времена ее существования, включая те, когда была еще Самарской губернией. А в районе, включая бытность его уездом, вообще абсолютный рекорд, – об этом историческом факте среди прочего поведала заметка в районной газете, посвященная охотничьему подвигу.

Бикхану, кстати, публикация, вроде бы его прославлявшая, совершенно не понравилась. Приехавший на полдня корреспондент большую часть времени общался не с героем заметки, а с начальством, и в результате переврал всё до невозможности: совхозный скот именно этот волк не воровал (разумеется, той зимой и в совхозе им. Маджафарова, а так-то за серым наверняка числилось преизрядное количество задранных и сожранных овец, коров и прочего скота). И задание истребить хищника от бригадира и совхозного парторга Бикхан не получал. Хуже того, фотограф, приехавший с корреспондентом, выбрал для съемки такой ракурс, что потом на снимке подвешенная на толстом суку волчья туша казалась куда больше, чем в жизни, а охотник, наоборот, получился совсем уж мелким и тщедушным. Ладно хоть парторга с бригадиром в тот же кадр не вставили, как организаторов и вдохновителей, а ведь могли...

Деду, напротив, заметка понравилась, фотография тоже, и приобрел старый аж четыре экземпляра газеты. Из одной газеты сразу вырезал статью и повесил на стену, вторую отправил почтой в Башкирию, бабушке Бикхана с отцовской стороны, а еще две надежно прибрал в сундучок, на память.

Разумеется, шкура такого примечательного зверя не пошла кому-нибудь на шубу или шапку. Волк теперь стал чучелом и украшал экспозицию районного краеведческого музея. Бикхан специально купил билет и ходил туда, – всякими давними прялками, самоварами и национальными костюмами он не заинтересовался, но провел немало времени, так и этак разглядывая свой трофей. Незнакомый чучельник поработал на славу, волк свирепо скалился, совсем как в тот исторический день в заснеженной уреме. Вот только отчего-то на вид зверь казался меньше, чем тогда. Понятно, что у страха глаза велики, но все же Бикхан поинтересовался у музейного работника: точно ли его волк? Или невзначай

испортили шкуру и взяли на замену другую, поменьше?

Работник хотел отфутболить и не верил, что имеет дело с человеком, обеспечившим появление в экспозиции рекордного хищника. Однако Бикхан предъявил документы и ткнул в табличку рядом с экспонатом, где в самом низу значилось «Добыт охотником Тягнияровым Б. Р. 31 декабря 1940 года». В итоге парень узнал, что любое чучело всегда получается несколько меньше, чем зверь или птица были при жизни. Такая уж технология: шкура при обработке уседает, уменьшается.

Технология... понятно. После этого Бикхан начал относиться к снимку из газеты с меньшей нетерпимостью. Здесь зверь крупнее, чем был, в музее – мельче, и одно искажение компенсируется другим.

* * *

А вторая мечта у Бикхана была вот такая: он хотел поступить в зоотехникум.

Честолюбием природа парня не обидела, умом тоже. И он прекрасно понимал: с семьёй классами за плечами высоко не взлететь, хоть ты из кожи вывернись. Можно вкалывать от зари до зари, стать передовиком производства и ударником труда, регулярно побеждать в соцсоревновании, собрать целую коллекцию почетных грамот, – и все равно завершить карьеру всё тем же гуртоправом. В лучшем случае старшим гуртоправом или звеньевым, да и то, если будешь хорошо ладить с начальниками, а с этим у Бикхана, при его независимом нраве, порой случались проблемы.

Ему, конечно, нравилась привольная жизнь на кочевье. Но провести здесь оставшуюся жизнь до седых волос не хотелось, в мире слишком много всего интересного, на что хотелось бы взглянуть своими глазами, – в жизни, а не на картинках в книжках, и не в фильмах и киножурналах, что крутит кинопередвижка, приезжающая раз в две недели в бригаду.

Но чтобы отсюда выбраться, чтобы кем-то стать – надо на этого кого-то учиться. Значит, для начала получить диплом зоотехника, решил Бикхан, а дальше уж как пойдет (даже сам себе он не признавался, что дальше неплохо бы замахнуться и на вуз, но где-то в глубине души такая мысль подспудно зрела – он был максималистом, хоть и не знал такого слова).

Но решить, как всем известно, гораздо проще, чем воплотить решение в жизнь. С воплощением наметились проблемы.

Для поступления зоотехникум надо было сдать два экзамена, но можно было обойтись без них, поступить по результатам лишь собеседования, – если имеешь на руках направление от профильного предприятия. В этом смысле совхоз им. Маджафарова – то, что надо, профильнее не придумаешь. Более того, направившее предприятие выплачивает учащемуся приличную стипендию вне зависимости от его успеваемости, еще один плюс. Взамен пришлось бы позабыть о распределении на общих основаниях и вернуться с дипломом в свой родной совхоз, отработать там несколько лет, окупить всё, что вложило предприятие в молодого специалиста, – но против этого Бикхан возражений не имел.

Разумеется, кому попало направления не раздают. И весной он выкладывался как мог и умел, буквально жилы рвал на работе. В мае начался сезон заготовки кормов, Бикхан косил вручную по разным неудобьям, где косилке не пройти, – намахался косой страсть как, руки после смены отваливались. Даже на охоту с новеньким ружьем вырвался всего два раза, хотя,

будь его воля, ходил бы каждый день. Но вместо того парень в свободное время учился управлять конной косилкой – и научился, и мог теперь при нужде подменять Жанлыса.

Нельзя сказать, что его старания не заметили и не отметили. В приказе по итогам мая среди прочих передовиков была упомянута и его фамилия.

Однако не всех эти успехи впечатлили. Ферапонтов, назначенный весной их бригадиром (сын старого кузнеца, учившего Бикхана премудростям охоты), сказал так:

– В начальники выбиться захотел? На машине разъезжать, пока другие навоз выгребают? А вот хрен тебе в томате, а не моя рекомендация!

И еще кое-что добавил, слов особо не выбирая, – от него попахивало спиртным. Став бригадиром, Ферапонтов-сын завел привычку прикладываться жаркими днями к жбану с прохладным пивом. Когда ты на кочевье самый главный, кто попрекнет? Да и совхозное начальство, если нагрянет и унюхает, тоже не попрекнет, пока план даешь.

Бикхан неприязненно подумал, что сам-то Ферапонтов, небось, диплом зоотехникума получил, пусть и заочно. И уборкой навоза, кстати, не занимается.

Дед, узнав, чем завершился разговор с бригадиром, сказал, что надо было подойти к тому иначе: для начала выкатить магарыч, еще какой-нибудь презент придумать. Глядишь, и выгорело бы. Возможно, старый не ошибался, лучше зная совхозные нравы. Однако Бикхан считал, что дело в другом, и никакие презенты не помогли бы. Ферапонтов-младший тоже был охотником, пошел по стопам отца, и охотничьими своими успехами весьма гордился. А тут какой-то сопляк незаслуженно приобрел славу чуть ли не первого охотника в районе – с публикацией в газете, с чучелом рекордного волка в музее. Бригадир относился к славе Бикхана-охотника ревниво, а к нему самому с неприязнью, и не особо свое отношение скрывал. На этом-то и строился расчет: подмахнет бумажку, чтобы сплавить соперника с глаз подальше, чтобы все тут позабыли о Бикхане и о его зимнем триумфе. Не сложилось.

Бикхан отправился в центральную усадьбу, к замдиректора по кадрам, хотя шанс, что тот оформит направление без рекомендации бригадира, был невелик. Узнал, когда прием, записался, в назначенный день отсидел в очереди.

Замдиректора носил примечательную фамилию Русский (однако она плохо сочеталась и с его внешностью, и с отчеством Моисеевич), был он вежлив, один раз даже назвал по имени-отчеству, Борисом Ринатовичем, пожал руку, похвалил за успехи, и трудовые, и охотничьи, сказал, что совхозу, конечно же, нужны такие специалисты, – не приезжие, а свои, здесь выросшие, но...

Но сейчас все вакансии для сотрудников со средним зоотехническим образованием закрыты, а вот среди низовых работников, наоборот, рук не хватает. И замдиректора предложил вернуться к разговору через пару лет. Борис, дескать, за это время получше узнает производство с низов, а кое-кто из зоотехников-ветеранов начнет собираться на заслуженный отдых, и потребуются им смена... Тогда и будет направление, не раньше.

В общем, получился тот же самый ферапонтовский «хрен в томате», только в вежливые слова завернутый.

Но Бикхан был невероятно упрям, когда речь шла о достижении поставленных целей, и зря терять два года не пожелал. Не вышло так – сдаст экзамены, но своего добьется, поступит. Но тогда уж придется уволиться из совхоза на время обучения, а то и насовсем, как пойдет. Год назад, правда, приняли указ, запретивший самовольные, без санкции начальства, увольнения, однако в нем есть пункт 4-б, словно бы как раз для Бикхана придуманный, – насчет поступивших в учебные заведения. Стипендия в техникуме

крохотная, не прожить, но как-нибудь справится, чем-нибудь будет подрабатывать.

И он засел за учебники, за математику был спокоен, а вот русский язык... и в школе-то давался этот предмет с трудом, а сейчас все правила с исключениями и вовсе вылетели из головы. Он не сдавался, любую свободную минуту проводил с книгой. Дед лишь качал головой, глядя на юного упрянца.

* * *

– Беда-а-а! Сюда! Скорее!!!

Истошный вопль заставил Бикхана отбросить учебник, раскрытый на главе о слитном и раздельном написании частицы «не». Он выскочил из *летника* (щитового, разборного дома, легко перевозимого с места на место), уверенный, что первым делом увидит столб дыма, поднимающийся над одним из больших сенных балаганов, они, когда наполнены сеном, от одной случайной искры вспыхивают словно порох, тушить бесполезно, оттого-то и размещают балаганы поодаль друг от друга и от прочих построек.

Быстро глянув по сторонам, Бикхан понял, что ошибся. И балаганы, и летники, и единственная на кочевье юрта, и все прочие строения стояли целые и невредимые. Никаких признаков пожара.

Однако Жанлыс продолжал надрываться, стоя у бригадирского вагончика, рядом с распахнутой дверью радиорубки:

– Сюда! Все сюда!!!

Почти вся вторая бригада была сейчас на кочевье, отдыхала. Такой уж график у здешних летних работ: работали без выходных, вставали еще затемно, считай, ночью. Едва забрезжило – все до единого на покос, а как солнышко поднялось повыше – все, конец работы, в дневном пекле много не наработаешь, только себя загонишь. Вторая часть смены – под вечер, когда изнуряющая жара спадала, и тогда уже бригада разделялась, одни отправлялись сметать в копны высушенное сено, другие занимались починкой, подготовкой к зиме кошар и оград, третьи еще чем-нибудь.

Люди бежали со всех сторон к бригадирской – очумелые, ничего не понимающие, многие отсыпались после очередного подъема ни свет, и заря, – и вопли Жанлыса их разбудили.

Бикхан добежал первым – он и не спал, и их с дедом летник находился недалеко от бригадирской. Добежал и ничего не понял. С Жанлысом все на вид в порядке. В рубке виден Феденька (отчего-то именно так все звали этого белобрысого двадцатипятилетнего парня), тоже живой и невредимый, сидит, приемник слушает... Приемником своим Феденька нешуточно гордился (модель СВД! на девяти американских лампах! самолично переделан на батарейное питание!), он был зарегистрированный радиолобитель, и их бригада единственная имела прямую связь с правлением.

Жанлыс от попытки задать ему вопрос отмахнулся, ткнул рукой в сторону СВД: послушай, дескать.

Бикхан ужом проскользнул в тесную радиорубку и только там вник в слова, раздающиеся из круглой черной тарелки громкоговорителя (тот стоял здесь же, в рубке, прямо на деревянном корпусе приемника).

«...дан приказ нашим войскам отбить нападение и изгнать германские войска

с территории нашей Родины», – услышал Бикхан и узнал голос Молотова, знакомый, разумеется, лишь по таким вот радиотрансляциям.

Смысл слов дошел с запозданием. Германские войска? С нашей территории? Откуда они там взялись? Война? Большая война – которую ждали, к которой готовились – и которой все-таки надеялись избежать?

В рубку втиснулся бригадир Ферапонтов – опухший со сна, с легким запахом спиртного, небось и сегодня принял пивка на жару. Остальные в рубку уже не поместились, толпились снаружи, требовали, чтобы Феденька прибавил громкость. Он лишь поднес палец к губам: заткнитесь, мол, не галдите, тогда всё услышите.

«Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наша доблестная армия, и флот, и смелые соколы советской авиации с честью выполнят долг перед Родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар по врагу», – произнес в наступившей тишине Молотов, сделал недолгую паузу и закончил так:

«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

* * *

Едва смолкли слова наркома, притихшая было бригада вновь заголосила, перебивая друг друга. Спрашивали у Феденьки, с чего началась речь, где на нас напали... в общем, хотели подробностей.

Но Феденька куда лучше владел паяльником, чем языком, и отдуваться пришлось Жанлысу, тот по какой-то надобности оказался у рубки и тоже слушал Молотова с самого начала.

– Так чего... бомбили, значит. И Киев бомбили, и Житомир, и еще кого-то, много городов называл, я все не запомнил. Ночью, перед рассветом, и из пушек тоже лупили... А потом полезли, значит, со всех сторон, и с германской, и с румынской, и с финской. А уж после посол ихний в Москве объявил, что воюем теперь, значит. Ну, а дальше вы сами слышали: прогоним, значит, фашистов, наша победа будет...

Жанлыс замолчал, остальные тоже потрясенно молчали. Смотрели на громкоговоритель, словно ждали, что из него сейчас успокоят: враг уже отброшен, его бьют и гонят повсюду, и обещанная победа вот-вот состоится. Но из черной тарелки доносились только щелчки метронома, этот размеренный негромкий звук казался зловещим, тревожным.

А затем напряженную, натянутую как струна тишину прорезал вой. Все обернулись и увидели Стешу, бригадную кухарку (хоть лет той было немало, Степанидой ее никто не звал). Один ее сын не вернулся с Финской, другой служил сейчас срочную. Кухарка стояла на коленях у бригадирского вагончика, вся как-то скорчилась, склонилась набок, привалившись к колесу литой резины, обшарпанному и истертому. Обхватила голову руками – и выла, выла, выла, выла...

Эпизод 2. Остров без экзотики и романтики

Вчера они присягали, Яков стоял с карабином на груди и произносил слова, известные ему наизусть, но все же боялся сбиться, косил глазом в раскрытый текст торжественной клятвы.

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь...»

Затем был праздничный обед. Хотя, что значит праздничный? Крахмальные скатерти на столах в солдатской столовой не лежали, никаких особо шикарных блюд не стояло, лишь картофель на гарнир был в тот день не отварной, как обычно, а жареный, да еще салат из свежих овощей вместо опостылевшей квашеной капусты. Наверное, «праздничность» обеда состояла в том, что проходил он под музыку, причем под живую, – небольшой гарнизонный оркестрик здесь же, в столовой, чередовал вальсы с бравурными военными маршами. Затем было личное время – аж на полдня (Яков написал длинное многостраничное письма Ксюше), вечером ужин уже без оркестра и сдвоенный киносеанс. Вот и весь праздник.

А сегодня, словно обухом по голове, – война.

На самом деле первый звоночек случился еще ночью – сыграли боевую тревогу. Весь личный состав разбежался по постам, и они, семнадцать «партизан» (так здесь называли курсантов, отбывавших сборы после военной кафедры вуза), побежали тоже, кто куда был приписан. Два с лишним часа провели в полной боевой готовности – отбой тревоги. Решили, что учебная.

С утра все шло по заведенному порядку, неполный взвод «партизан» занимался в тот день огневой подготовкой. Яков выбил нормативы по круглой, ростовой и грудной мишеням на «отлично» с первой попытки, чему удивляться не стоило, он четыре года отходил в осовиахимовский тир, получил «Ворошиловского стрелка». Однако некоторым вчерашним студентам пришлось по три-четыре подходить к огневому рубежу, стрелками они оказались отнюдь не ворошиловскими.

Отстрелялись, промаршировали строем в расположение. Чистили оружие, прежде чем сдать в оружейку, – рассевшись вокруг длинного стола, вооружившись шомполами, масленками и ветошью. И тут вошел Петренко.

– Встать! Смирно! – гаркнул Гонтарь.

Майор вместо уставного «Вольно!» усадил их обратно жестом, вторым таким же жестом пресек попытку Гонтаря доложить, чем занимается взвод. Затем произнес тяжелым сиплым голосом, опять-таки обратившись к ним совсем не по Уставу:

– Парни, война. Немцы напали.

* * *

Две недели назад они – тогда еще в штатском и числом в сто с гаком человек – прибыли в штаб бригады ПВО в местечке Кейла-Йоа под Таллином – и Яков подумал, что проходить сборы ему выпало в местах на редкость красивых. Штаб квартировал в бывшей баронской усадьбе, вокруг живописных желтых зданий высились мачтовые сосны, росла под ними

земляника (увы, еще не поспевшая), а прямо через усадьбу протекала речка, неширокая и неглубокая, но с изумительно прозрачной водой и с красивым водопадом, – струя воды падала с уступа высотой метров десять.

Прямо какой-то курорт или санаторий, а не воинская часть. Умели в свое время бароны выбирать места для усадеб.

Однако здесь, в Кейле, никого из курсантов проходить сборы не оставили. Обмундировали в солдатскую форму, остригли «под машинку», разбили на взводы и развезли по дивизионам. Яков и шестнадцать его сотоварищей угодили, кажется, в самый дальний. Сначала ехали на грузовике, потом загрузились в какую-то лоханку весьма допотопного вида (Яков для себя назвал ее «паромом», не зная, как официально именуют это судно моряки), долго плыли по серым волнам Финского залива... И очутились на острове Гогланд.

При слове «остров» любому городскому мальчишке, выросшему на приключенческих романах, – а Яков рос именно таким книжным мальчиком – приходят на ум пальмы, кокосы, бананы, тропические животные и птицы, голубые лагуны, парусники, палящие из пушек, робинзонящие отшельники, флибустьеры, прячущие в пещерах или закапывающие в землю сундуки с пиастрами и дублонами... Короче говоря, всевозможная романтическая экзотика.

На Гогланде романтика отсутствовала напрочь. Экзотика тоже. Корсары с флибустьерами сюда не заплывали, спрятать сундуки с сокровищами было некому. Вместо пальм – сосны, но не те мачтовые красавицы, что в Кейле, а невысокие, с перекрученными узловатыми стволами, другим не вырасти на каменистом грунте, под постоянным напором дующих с залива ветров. Хотя палящие из пушек парусники порой в прибрежных водах случались – в восемнадцатом веке состоялось возле острова морское сражение между русским и шведским флотами, но вспоминают о нем редко, одной строчкой в учебнике: решительной победы никто не одержал, русские захватили один шведский линейный корабль, шведы – один русский, на том баталия и завершилась ничейным результатом.

Остров был не слишком велик, но и не мал, около сорока квадратных километров. Высились на нем четыре небольшие горы, именно они первыми показались над горизонтом, когда курсанты плыли сюда на пароме. В долинах между горами – сосновый лес, пара небольших озер, пригодных для купания (в заливе даже в конце июня вода была холоднющая), вот только времени искупаться у курсантов не находилось, с непривычки за день так уставали, что падали вечером в койки и тут же засыпали. А здешние солдатики бегали тайком после отбоя на озера.

Населенный пункт на острове имелся один – деревушка с непроизносимым названием, которое тут же вылетело у Якова из памяти. Выращивать что-либо на скудной почве Гогланда смысла не было, и занимались аборигены рыбной ловлей, охотой на балтийских тюленей и контрабандой между Финляндией и Прибалтикой. Теперь не занимаются. После недавнего присоединения Гогланда к Советскому Союзу местных жителей не то выселили, не то сами уплыли вместе с отступившими финскими войсками. Многие дома деревушки пустовали, в других жили семьи комсостава, да те немногие гражданские, кто обслуживал нужды гарнизона и железной дороги. Да, как ни удивительно, на острове имелась узкоколейка, одна из самых коротких в мире, наверное.

Гарнизон на Гогланде был невелик. Базировалась батарея дальнобойных морских орудий (для подвоза к ней снарядов со склада и построили узкоколейку), кроме нее квартировал учебный батальон морской пехоты и строительная часть, возводившая аэродром. За порядком присматривала комендантская рота, а с воздуха все хозяйство прикрывал дивизион ПВО

двухбатарейного состава – в него-то и прибыли куйбышевские курсанты, встали на довольствие и заселились в солдатскую казарму.

* * *

Командир дивизиона подполковник Брагин словно бы задался целью привести свою жизнь в соответствие с фамилией: пил без просыпу. Трезвым его Яков после прибытия не видел ни разу. И ладно бы тот пьянствовал вдали от глаз подчиненных, на дому или запершись в штабе, так ведь нет, шлялся повсюду, распекал всех подвернувшихся по делу и без дела заплетающимся языком. И приказы отдавал странные, которые чаще всего никто не спешил исполнять, – к вечеру подполковник доходил до такой кондиции, что забывал все на свете, в том числе и собственные распоряжения.

Среди личного состава бродил упорный слух, что командовать дивизионом Брагину остались считанные дни, не сегодня, так завтра придут на остров люди в форме с краповыми петлицами и увезут подполковника, причем уедет он, вполне возможно, в наручниках. Не за пьянку арестуют, понятное дело. Наоборот, сорвался в штопор подполковник пару недель назад из-за того, что никаких сомнений в своей дальнейшей судьбе не испытывал. И как-то все неурядицы Брагина народная молва связывала с недавним перелетом через полстраны немецкого «Юнкерса», – того самого, что демонстративно приземлился в Москве возле динамовского стадиона.

Яков в этой версии несколько сомневался, все же «Юнкерс» летел не через Прибалтику, значительно южнее, и не могло быть ни малейшей вины Брагина в том, что самолет-нарушитель не сбили. А с другой стороны, многие головы в ВВС и ПВО полетели, и кто знает, какие знакомства и связи были у подполковника с уже арестованными офицерами.

Поначалу казалось, что дисциплина в части с таким командиром укатилась к чертям, и никаких новых знаний и умений курсанты здесь не получают, – но на деле все обернулось иначе. Командир и часть существовали сами по себе, в разных измерениях, и службу зенитчики несли исправно. Дивизион тащил на себе майор Петренко, замкомандира по боевой подготовке. Опытный офицер, две войны прошел (в Испании и в Монголии), и по части дисциплины строг, не забалуешь.

Обучение курсантов тоже курировал Петренко. Вообще-то их военно-учетная специальность навыков стрельбы по вражеским самолетам никак не предусматривала. Будущим лейтенантам надо было, если призовут из запаса, уметь командовать техническим взводом батареи, а если повысят – технической ротой дивизиона. Следить за исправностью прожекторов, транспорта, дизельной энергетической установки и т. д. А если что сломается, организовать по возможности ремонт на месте, в полевых условиях. Все-таки парней обучали на инженеров, а не на кадровых офицеров.

Однако у майора Петренко обнаружились свои понятия о том, как и чему надо обучать «партизан». И во время вводного инструктажа он сказал так:

– Офицер-зенитчик – если он хороший офицер – должен уметь всё. Чтобы суметь подменить в бою любого из коллег-командиров, кто вышел из строя. И даже в крайнем случае любого бойца подменить, хоть наводчика, хоть прожекториста. А если вражеская пехота прорвется к батарее – должен суметь организовать наземную оборону. Мы вас всему не научим. Не успеем, времени мало. Но самые азы дадим, что бы в случае чего не тыкались

слепыми котятками, не зная, с какой стороны к орудию поступиться.

Как сказал, так и стало. Теперь Яков знал, с какой стороны подступиться к 37-миллиметровой автоматической зенитке (а впереди было знакомство с 76-миллиметровками второй батареей). Наверняка и близко не уложился бы в нормативы по времени, но подготовил бы оружие к бою. И мог открыть из него огонь. Попал бы или нет, вопрос отдельный, учебные стрельбы затевать на боевой позиции запрещено, для того на материке есть полигоны с планерами-мишенями.

Наверное, Петренко был прав в своем подходе к обучению курсантов. Беда в том, что дополнительные знания и умения «партизаны» получали не вместо изучения той матчасти, за которую им предстояло нести ответственность, – а в качестве дополнительной нагрузки. Личное время превратилось в понятие абстрактное. Чтобы, например, постираться, – приходилось отрывать время ото сна. На многое другое тоже. Желание вздремнуть стало постоянным и навязчивым. И дремали, – если нежданно выпадали редкие свободные минуты. Яков, когда ехал сюда, намеревался писать Ксюше каждые два-три дня. Угу, как же... Первое, оно же пока последнее письмо написал лишь в день присяги, – зато уж поведал обо всем, о чем можно рассказывать без разглашения военной тайны.

* * *

– Даже не знаю теперь, удастся ли вам здесь сборы завершить, – сказал Петренко. – Скоро на острове такие дела начнутся, что некогда станет и учить, и учиться. Пушки наших морячков (он кивнул в ту сторону, где над береговыми утесами торчали броневые башни с хищно вытянутыми хоботами орудий) как кость в горле что немцам, что финнам. Здесь два фарватера, севернее острова и южнее, оба батарея «чемоданами» накрывает, и ориентиры пристреляны. Значит, станут нас бомбить, а вы, недообученные, толком помочь не сможете, только под ногами путаться будете. Вас бы по уму на берег сейчас, в тыловую учебку. Но пока приказ из бригады не поступил, продолжаем обучение. Заканчивайте с оружием и... что у вас там дальше по плану, старшина?

– Обед, затем практическое занятие, товарищ майор, – доложил Гонтарь. – Тема: «Методы определения и устранения неисправностей полевой дизель-электростанции ЗИД-4», проводит занятие лейтенант Карпухин.

– Понятно... Как пообедаете, Карпухина не ждите, другим будет занят. Спросите в техзвезде сержанта Бабаяна, скажете, я приказал ему провести занятие. Он парень толковый и с дэской на «ты» знаком, не хуже лейтенанта все объяснит и покажет.

Майор ушел. Гонтарь задумчиво произнес:

– Примета какая-то дурная: как форму надену, тут и здрасьте-пожалуйста, война на дворе. На срочной едва с учебки вышел, двух недель в части не прослужил – ночью тревога, все по машинам и вперед... теперь вот снова.

– В первый раз с финнами? – спросил один из парней.

– С щеками.

– Так в Польше же мирно... С цветами вроде встречали, нет?

Гонтарь посмотрел на спрашивавшего так, что тот смутился и понял: ляпнул не то.

– Это ты в газете прочёл? Про цветы? Кого-то, может, и с цветами. А я вот этими вот руками троих ребят со сгоревшего танка доставал. То, что осталось от них. Долгих боев

не было, врать не буду. Но разок даже с немчурой схлестнулись, танк у них сожгли, а они у нас два. Так мы втроем ночью, когда нас уже развели и огонь прекратили, к ним в расположение пробрались. И танк угнали, целый, не подбитый. Чтобы, значит, счет сравнять.

– Ого... И завести сумели? И с управлением разобрались?

– Дело нехитрое, танк без ключей заводится.

– Тебе за это «Отвагу» дали?

– За это мне по шапке дали, и в приказе пропесочили. Скандал-то знатный получился...

Наши от всего откешивались и на поляков кивали: дескать, их работа. Немчура не особо поверила, да поди найди тот танк, его уже в Москву везли, изучать по винтику.

Таких историй о своей срочной службе и совершенных на ней подвигах Гонтарь рассказывал множество. Иные из них своим правдоподобием напоминали приключения известного барона Мюнхгаузена. Но, с другой стороны, медаль «За отвагу» ему ведь не просто так дали? Опять же старшиной в запас уволился, а солдаты срочной службы крайне редко это звание получают... Значит, были настоящие подвиги, хотя и приврать о них Гонтарь любил крепко.

– А награды нам троим наш Батя, комбриг то бишь, потом от себя лично вручил: бимбера во-о-о-т такую банку выкатил, окорок копченый и гуся цельного зажаренного. Эх...

Гонтарь мечтательно вздохнул, затем резко изменил тон:

– А что вы уши-то развесили, товарищи курсанты, и про дело забыли? Винтовки сами себя не дочистят. Живо заканчивайте!

* * *

На последнем курсе Яков сдружился с Игнатом Гонтарем, до того не были знакомы, – Игнат восстановился год назад в КИИ после армейской службы.

Субботними вечерами часто устраивали посиделки у Игната в общежитии, Яков играл на гитаре, Игнат на гармошке, подтягивались соседи по этажу, девушки приходили... Если дело было после каникул, пили пиво из большого жбана, – домашней варки, привезенное Игнатом из дома (в другое время тот же жбан наполняли вскладчину разливным «жигулевским»). Затем кто-нибудь непременно приносил патефон, устраивали танцы... Весело проходили те вечера.

Были они, Яков и Игнат, непохожи во всем. Яков – городской мальчик из хорошей семьи, и папа, и мама с высшим образованием, а родители Игната могли похвалиться в лучшем случае законченной четырехлеткой, он приехал поступать из колхоза в Курской области и был потомственным крестьянином. Казалось бы, сама судьба предназначала Игнату шагать по наследственной стезе хлебороба. Но жил он в колхозе-миллионере, у колхоза была собственная электростанция, и колхозное начальство решило: хватит приглашать со стороны специалистов, норовящих при любом удобном случае улизнуть обратно в город, – обучим своего инженера-энергетика.

Учеба давалась деревенскому пареньку с большим трудом, вечно он копил «хвосты» и балансировал на грани отчисления. До поры спасался общественными нагрузками, был старостой этажа в общежитии, еще чем-то занимался... Но однажды не помогло даже

заступничество профкома – Игната отчислили, и на той же неделе, даже не успев выписаться из общежития и уехать в родной колхоз, он получил повестку из военкомата.

Отслужил, восстановился (нужда колхоза в специалисте по энергоустановкам не пропала), и потихоньку сошелся с Яковом, хотя трудно было представить более разных людей. Но как-то сдружились, случается и такое.

Игнат уважал Якова за начитанность, за то, что тот «с пол-оборота» понимал теоретические «закавыки», ставившие в тупик деревенского парня, – и всегда был готов помочь, растолковать непонятное товарищу. Можно сказать, что Яков установил в учебе над приятелем негласное шефство. И с успеваемостью у того дело наладилось, теперь в «хвостистах» студент Гонтарь уже не числился.

Сам-то Игнат книг не читал, по крайней мере для удовольствия, только те, что требовались по учебе. Из всех искусств признавал лишь кино, а единственный раз сходяв на балет, прокомментировал так: «В нашем колхозе этикие подтощальные на всю жизнь бы в девках застряли».

Зато руками он умел делать, казалось, всё. Надо врезать в дверь замок? Легко! Проблемы с электричеством или водопроводом? Монтера или водопроводчика не вызывали, если рядом случался Гонтарь. Пришить пуговицу или заплатку? Игнат делал это быстрее и ловчее, чем иные девушки. Яков немного завидовал такой рукастости, но все же где-то в глубине души чувствовал свое превосходство – в конце концов, не умение быстро пришить пуговицу в жизни главное.

Разумеется, именно Гонтаря назначили командиром их курсантского взвода, – единственный отслуживший, к тому же имеет воинское звание старшины. Надо заметить, что на сборах их с Яковом отношения несколько изменились. В армии была совсем другая шкала ценностей, здесь никого не интересовало, сколько книг ты прочитал, здесь гораздо меньше ценились абстрактные знания, и гораздо больше – конкретные умения. На сборах в роли подшефного оказался уже Яков, перенимая множество мелких, но необходимых военному человеку умений.

* * *

Когда закончили возню с оружием, Гонтарь приказал:

– Перерыв. Перекурить, оправиться. Через двадцать минут построение у столовой, ответственный Мосийчук. Курсант Старинов, за мной!

...Надпись на двери поразила Якова своей лаконичностью: «НЕ ВХОДИТЬ». Ладно бы входить запрещалось посторонним, но какой смысл делать дверь, входить в которую нельзя никому?

Гонтарь потянул дверь на себя, надпись проигнорировав. Сказал, войдя:

– Физкультпривет, Михалыч. Вот, принес, что обещал.

– Привет, Игнаша. А кто с тобой?

– Наш парень, из курсантов. Знакомься, Яша: это Михалыч, земля моя, из Курска. Он слышит всё: и как трава растёт, и как комар комариху ебёт.

При виде сидевшего у стола человека стал понятен смысл надписи, запрещавшей вход всем поголовно – тот, кому входить разрешалось, прочитать буквы на двери все равно не смог бы. Яков уже пару раз мельком видел Михалыча, и поразился, насколько

дисгармонирует военная форма с черными очками на лице человека, с белой тростью в его руке. Инвалидам по зрению не место в войсках, единственное исключение – ПВО, здесь на вес золота ценились слепцы с изощренным до предела слухом. Уставившиеся в небо раструбы звукоуловителей были, по сути, продолжением чутких ушей Михалыча. Поговаривали, что хороший «слухач» не просто засекает цель за десятки километров, но и определяет высоту, скорость, тип самолета.

Гонтарь шагнул к столу, передал слепому что-то небольшое, как показалось Якову – коробочку с бритвенными лезвиями.

– Ну, спасибо, удружил. Будет какая нужда, обращайся, – чем смогу, помогу.

– Уже есть нуждишка... Поспорили мы тут с Яшей малёха. Он говорит, ночью учебную сыграли, а я так думаю, что немцы мимо летели, Таллин бомбить. Рассуди, Михалыч. Помоги плитку шоколада выиграть, половина – тебе.

Слепой уставился на них. Яков понимал, что смотреть тот не способен, и все же не оставляло ощущение, что темные линзы очков скрывают пристальный взгляд. Ответил Михалыч после паузы:

– Если я начну такие ваши споры судить, Игнаша, то скоро нас всех троих другие судить станут. В трибунале. И плиткой от них не отмажешься. Не имею я права тебе такие вещи рассказывать, кто мимо нас и куда летает. Да и ни к чему, ты сам обо всем догадался.

– Много их было?

– Ступай к Петренке о таком спрашивать, а мне перед дежурством отоспаться надо.

...Когда они шагали к столовой, Гонтарь мрачно произнес:

– Чует моя задница, застряли мы тут. Не пришлют за нами одними катер, придется оказии ждать. И как бы чего другого не дожидаться...

– Налета? Бомбежки?

– Не только. Петренко нам правильно говорил, да не всё до конца сказал. Ты батарею-то морячков видал? Их десять лет бомби, не разбомбишь, так в скалы заглубились, одни тока башни торчат, а те из брони линкорной... Не, брат, ежели у немца хоть чутка соображенья есть, он нас, зенитчиков первым делом выбомбит. А затем жди десант.

– Воздушный? Или с моря?

Гонтарь не ответил – вновь, как ночью, взревели ревуны и ударили колокола громкого боя. Тревога.

Пообедать в тот день не удалось. А когда курсанты пришли на ужин, – оказалось их всего двенадцать человек. Двое получили ранения и находились в медчасти, фельдшер пообещал, что голодными парни не останутся.

Еще трое не успели добежать до позиции 76-миллиметровок, где должны были находиться при тревоге, – начался налет, и их троих накрыло одной фугаской. Всех наповал.

С одним из них, с Гошкой Стукалиным, Яков прятельствовал с первого курса, и с родителями его был знаком. И не представлял, что скажет Гошиной матери, когда доведется встретиться в Куйбышеве... Как, какими словами можно объяснить такое? А на глаза не показываться тоже нельзя.

– Никто нас в Куйбышев не повезет, забудь, – сказал Гонтарь, с которым он поделился своими сомнениями. – Здесь же, в Таллине, «кубари» вручат и по частям разверстают. Если, конечно, с острова выберемся.

– Ладно, переживем. Лишь бы к августу вернуться, у меня на август большие планы.

Яков был атеистом, но потом не раз вспоминал эти свои слова, сказанные в первый день

войны, и думал, что наверное в тот момент кто-то рассмеялся наверху, над облаками.

Эпизод 3. Война и судьба

Дату побега Мальцев назначил на 29 июня, на воскресный день, в выходные режим, и без того весьма мягкий, соблюдался в ЦКБ вовсе уж спустя рукава.

Его больше ничто не удерживало в «шарашке». Работа над сверхсекретным проектом подземного хранилища завершилась еще в мае, вся документация была передана заказчикам. И на том участие ЦКБ в работах завершилось, хотя обычно бригада здешних специалистов выезжала на место, помогала в монтаже. Но не в этот раз. Слишком высок оказался уровень секретности. И такая новация разом обесценила все наработки Мальцева (свои, личные) по проекту. Что толку иметь план проникновения в хранилище, набитое ценностями, если понятия не имеешь, где то хранилище находится?

Расстраивался Мальцев недолго. Руки ничего не забыли, и голова на плечах есть, да еще прибавилось в ней знаний о самых свежих новинках в области безопасности. На жизнь всегда заработает. Хотя, возможно, даже зарабатывать не придется – если никто за три года не отыскал захоронку, а спрятан тайник надежно. «На жизнь», причем на вполне обеспеченную, хватило бы надолго того, что там лежало. До старости, да и потом не пришлось бы бедствовать, изображал бы отставного ударника-стахановца, получающего персональную пенсию. Но Мальцев метил выше. Он хотел заработать еще примерно столько же – и навсегда уехать из страны. Туда, где у богатых людей не спрашивают, откуда взялись их деньги. Где не нужно жить, словно хамелеон, постоянно кем-то прикидываясь, под кого-то маскируясь.

Мечта эта родилась давно, лет десять назад, когда Мальцев прочитал известный сатирический роман «Золотой теленок». Прочитал и призадумался: отчего так бесславно завершилась авантюра Остапа Бендера по раскулачиванию подпольного миллионера Корейко? Вроде бы полный успех, миллион в кармане, – но в результате крах мечты о Рио-де-Жанейро на заснеженном берегу Днестра.

Поразмыслив, он понял, что лишился всего Бендер исключительно авторским произволом, и авторов можно понять – никак не должен был завершиться триумфом жулика и авантюриста изданный в советской стране роман. И великий комбинатор по воле авторов резко поглупел, рванул через границу фактически без подготовки, нагруженный золотом, словно верблюды. Ничем хорошим такой рывок завершиться не мог, даже если бы удалось на берегу разминуться с пограничным патрулем, – тогда на миллион разбогатели бы полицейские ближайшего румынского городка, где объявился бы Остап. Не знающий языка иностранец в роскошнейших мехах никак не остался бы без внимания полиции. Но Мальцев не верил, что человек, знающий четыреста сравнительно честных способов отъема денег, не обдумал хоть один надежный способ уйти с деньгами за кордон.

И Мальцев начал прикидывать, как бы он сам действовал на месте сына турецкоподданного. Сначала это была своего рода игра, тренировка для мозгов, миллиона у Мальцева все равно не было. Тогда еще не было (хотя, может, и сейчас нет, если тайник оказался не таким надежным, как представлялось). Но десять лет – немалый срок, и со временем отвлеченная игра ума сменилась конкретными проработанными планами – разработал их Мальцев аж три – с выездом на места, с поиском нужных людей, и даже с двумя разведывательными ходками за кордон, налегке, разумеется.

За время его отсидки два плана из трех утратили актуальность. Граница с Финляндией

сдвинулась на север после войны, и где искать теперь финских знакомцев, живших в погранзоне, не ясно. Французские пароходы больше не приходят в Одесский порт, Франция под Гитлером, на Средиземном море идет война, совсем недавно немцы лихим наскоком захватили остров Крит. Два окна в Европу, следовательно, заколочены. Осталась лишь форточка, ведущая в Азию – Мальцев надеялся, что вариант с Аджарией и турецкой границей еще может сработать, когда придет время покинуть страну.

Итак, он назначил день ухода на двадцать девятое июня. А двадцать второго началась война, и это спутало все карты и разрушило все планы.

* * *

Жили они вдвоем с Водянским в одном номере внутренней гостиницы. Или в одной камере внутренней тюрьмы, можно было назвать жилой блок и так, и этак. Посмотреть на обстановку – самая обычная гостиница для командированных. Спартанская обстановка, без лишней роскоши, однако все необходимое есть. Но в гостиницах не бывает решеток на окнах, а на дверях металлической обшивки и замков, запиравшихся лишь снаружи. Хотя, надо признать, те замки оставались в бездействии, свобода передвижения внутри блока не ограничивалась. Начальство понимало, что специалистов, занятых творческой работой, лучше без нужды не щемить. Напротив, выгоднее давать им поблажки, облегчать режим, – чтобы боялись угодить на пересылку и в лагерь. Тогда будут работать и за страх, и за совесть.

Водянский, волею судьбы и начальства ставший соседом Мальцева, был далеко не молод. Он еще при старом режиме служил приват-доцентом, но специализировался в дисциплинах не теоретических, – в прикладных, инженерных. А до недавнего времени руководил лабораторией точной механики и оптики при УОМЗе, плюс к тому читал лекции в Уральском политехе.

Погорел Водянский на родственных связях. Его родной брат был старым, с дореволюционных времен, большевиком, позже крупным руководителем-хозяйственником, а не так давно обернулся замаскированным троцкистом и организатором злостного вредительства. Брат носил другую фамилию, вписав в документы партийный псевдоним, что не помешало Водянскому проходить по тому же делу, сначала за недонесение, затем как соучастнику. На следствии он честно сознался: да, вредил, и точной механике вредил, и оптике, на суде чистосердечно раскаялся, – и получил «червонец» без права переписки. Считал, что повезло, брату и многим подельникам присудили высшую меру.

– И что вы думаете, Глеб Васильевич, обо всем этом? – спросил Водянский, улегшись на застеленную койку (за почти три года тесного общения с Мальцевым он так и не перешел с ним на «ты»).

Разумеется, этот расплывчатый и глобальный вопрос касался войны. Оба только что вернулись с послеобеденного построения, где замначальника объекта объявил о том, что началось сегодня утром, на рассвете.

– Может, амнистию объявят под это дело? И призовут всех, кто по возрасту военнообязанный? – равнодушно предположил Мальцев.

Ему было все равно. Объявят так объявят. Призовут так призовут. Он к тому времени будет далеко. Хотя, конечно, военное положение затронет многих, кто в розыске и вынужден скрываться. Патрули, облавы, повальные проверки документов и прочие строгости вполне

вероятны. Но Мальцев надеялся, что легализуется без лишних хлопот, у него в тайнике, среди прочего, лежал полный комплект документов, чистых, с фамилией, не засвеченной ни в одном из былых дел.

– Мне мобилизация в силу возраста не грозит, – сказал Водянский. – А на амнистию я бы не советовал рассчитывать. Скорее нашу контору переориентируют для военных нужд. Поручат разрабатывать прицелы либо шифровальные машинки. А если посчитают, что специалисты, что здесь собраны, не годятся для таких работ, этапируют всех в лагеря. И это будет еще не худший вариант, должен вам заметить.

– Что же тогда вы считаете худшим, Федор Сергеевич? – удивился Мальцев.

Он не собирался дожидаться ни лучшего варианта, ни худшего. Но интересно было, что думает на этот счет Водянский. Тот был умен и отличался проницательностью. Нередко его предсказания сбывались. Например, нападение Германии на Польшу он предсказал еще в марте 1939-го, лишь немного ошибся в дате, назвал август вместо сентября.

– Худшим для нас вариантом, Глеб Васильевич, станет расстрел.

– С чего бы нас расстреливать? Все-таки не восемнадцатый год на дворе, и не тридцать седьмой. Или вы опасаетесь, что случится народный бунт, как некогда в Париже в годы их революции? Думаете, взбунтовавшаяся чернь тоже начнет захватывать тюрьмы и самочинно казнить «врагов народа»?

– Нет, народного бунта я не опасуюсь. И не надеюсь на него. Гайки затянуты слишком туго, чтобы недовольные смогли собраться в достаточном числе и хотя бы минимально организовать. Проблема в другом – Минск слишком близок к западной границе. Польская и французская кампании вермахта хорошо показали, принципы какой войны исповедуют германские генералы. Стоит ждать таранных ударов с выходом в глубокий тыл противника. Если немецкие танки неожиданно выйдут к Минску, начнется паника, ни о какой плановой эвакуации не будет речи. И что бы вы сделали с заключенными, Глеб Васильевич, когда *Hannibal ad portas*? Стали бы занимать ими место в последнем уходящем на восток эшелоне в ущерб, например, ценному оборудованию или важным для страны людям? Или, может быть, оставили бы их в камерах дожидаться прихода немцев?

– Не оставил бы... Но в вашей логической конструкции есть существенный изъян – она полностью умозрительная. Ганнибал покамест не у ворот, а немцы не в предместьях Минска. И далеко не факт, что они здесь окажутся.

– Поживем, увидим, – не стал спорить Водянский. – Я, пожалуй, вздремну с вашего позволения.

В ЦКБ в воскресные дни работали лишь до обеда, но все же вздремнуть Водянскому не позволили. Не Мальцев, разумеется. Со стороны двери послышался металлический скрежещущий звук. Почти без паузы еще один. И третий, затем все стихло.

Мальцев очутился у двери, толкнул. Так и есть, заперли. На три оборота ключа.

– Без объявления войны... – произнес он растерянно.

Стукнул пару раз кулаком по листовому металлу, покрывавшему дверь изнутри, крикнул:

– Что случилось?

На ответ не особо надеялся, да он и сам догадывался, в чем дело. Война, и гайки начали закручивать. Можно было тешить себя надеждой, что именно сегодня прибыло в «шарашку» с инспекцией высокое и грозное начальство. Уедет – и все вернется на круги своя. Но Мальцев не верил в такие совпадения. Нет, дело в войне, будь она неладна.

Его стук и крик не остались без внимания. Дверь издала новый звук, иной природы,

визгливо-скрипящий, а календарь на 1941 год, висящий на ней, натянулся, затем разорвался в нижней части. Порвала его дверца прорезанной в двери форточки, какую бывалые зеки называют «кормухой». Здешняя «кормуха» не использовалась на памяти Мальцева ни разу, и прикипевшие ее шарниры визжали на весь коридор.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/4wf>